

Начальникъ русской духовной миссиі въ Іерусалимѣ архимандритъ Антонинъ (Капустинъ), какъ дѣятель на пользу православія на Востоѣ и въ частности въ Палестинѣ.

(По поводу десятилѣтія со дня его кончины).

Рѣчь, произнесенная 21 марта 1904 г. въ городской думѣ въ годовомъ собраніи Кіевскаго отдѣла Императорскаго Палестинскаго Общества.

10,000 русскихъ паломниковъ, пріѣзжающихъ, по официальному даннымъ, нынѣ ежегодно въ Палестину, не ограничиваютъ своего паломническаго подвига обзорѣніемъ достопоклоняемыхъ мѣстъ Іерусалима и его окрестностей, но стараются непременно побывать на Іорданѣ, въ Горней, въ Хевронѣ, у Дуба Мамврійскаго и въ другихъ мѣстахъ. Всюду въ этихъ мѣстахъ наши паломники встрѣчаютъ и уютный кровъ и самый радушный и искренно русскій пріемъ. Для большинства изъ нихъ всѣ эти пріюты и помѣщенія, обставленные комфортабельно даже для избалованнаго жизнію человека, есть ни больше ни меньше какъ „наши постройки“, или постройки Палестинскаго Общества, которое § 1 своего устава, какъ извѣстно, ставитъ для себя задачу учреждать и „страннопріимные дома“ для паломниковъ, но еще не далеко то время, когда эти пріюты назывались „антониновскими“ или „архимандричьими“, по имени своего основателя. „Не назову его, пишетъ о. Антонинъ о русскомъ храмѣ Св. Троицы или Никодима въ Аѳинахъ, дѣломъ рукъ своихъ, но что въ настоящемъ видѣ онъ есть *плодъ моей*

Труды Кіевск. Дух. Акад. Т. III. 1904 г.

мысли, потому что *неодолимаго желанія, неусыпнаго пожеланія; объ этомъ если не мои уста, то его камни возопиють*“ ¹⁾). Незабвенный въ лѣтописяхъ Палестины нашъ покойный настоятель русской миссіи въ Іерусалимѣ о. архимандритъ Антонинъ могъ совершенно съ одинаковымъ правомъ говорить то же самое и о каждомъ своемъ сооруженіи въ указанныхъ нами выше пунктахъ. Къ глубокому сожалѣнію, въ числѣ поклонниковъ Палестины нашего времени той почтенной цифры, какую даютъ официальные данныя, пытливые серьезные совопросники встрѣчаются не часто, и имя о. Антонина, какъ дѣятеля, много потрудившагося на пользу православія въ Палестинѣ, большинству изъ нихъ или ровно ничего не говоритъ, или, случайно коснувшись ихъ слуха два-три раза, во время поверхностнаго обозрѣнія достопримѣчательностей Палестины, не заищетъ глубоко на сердце и быстро улечивается изъ памяти. Достоинно полнаго удивленія, что даже наша періодическая печать весьма мало, чтобы не сказать больше, удѣлила этому замѣчательному дѣятелю сочувствія и вниманія, на которыя она иногда бываетъ не скупа для личностей весьма заурядныхъ, — когда смерть безжалостно положила конецъ его плодотворной и неутомимой дѣятельности. Нашъ, напр., официальный духовный органъ „Церковныя Вѣдомости“ не нашелъ возможнымъ для некролога этому неустанному ратоборцу на православномъ Востокѣ свыше сорока лѣтъ удѣлить и *полнымъ сорока строкъ* ²⁾), имѣя, быть можетъ, въ виду тотъ фактъ, что за годъ предъ тѣмъ, по поводу пятидесятилѣтія служенія и литературно-ученой дѣятельности о. архимандрита Антонина, на страницахъ его нашелъ себѣ мѣсто весьма сочувственный, краткій очеркъ жизни и дѣятельности его, написанный приснопамятнымъ проф. нашей Академіи покой-

¹⁾ Арх. Антонина. Изъ Румелии. СПб. 1886, стр. 383.

²⁾ Церковн. Вѣд. 1894, № 15, стр. 507.

нымъ И. И. Малышевскимъ ¹⁾). Небольшую, но весьма горячую и выпуклую по освященію фактовъ, характеристику личности о. Антонина представилъ въ годичномъ отчетѣ Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества за 1894 г скончавшійся въ прошломъ году весьма энергичный дѣятель на пользу православія въ Палестинѣ, бывший помощникъ председателя, членъ совѣта и секретарь Общества покойны В. Н. Хитрово ²⁾), лично хорошо знакомый съ о. Антониномъ. Это, можно сказать, и все почти ³⁾), чѣмъ помянули въ Россіи незабвеннаго о. Антонина.

Призванные лестнымъ для насъ порученіемъ заняты Ваше просвѣщенное вниманіе, м. г. и м. г-ни, въ настоящемъ торжественномъ собраніи кievскаго отдѣленія Императорскаго Православнаго Общества, мы рѣшаемся предложить очеркъ жизни и дѣятельности о. Антонина, какъ выдающагося дѣятеля на пользу православія на Востокѣ вообще и въ Палестинѣ въ частности, съ тѣмъ, чтобы и почтить память этого близкаго намъ, кievлянамъ, дѣятеля и выяснити предъ Вами, почему само Императорское Палестинское Общество считаетъ его своимъ „непосредственнымъ учителемъ“ ⁴⁾).

¹⁾ Тамъ же 1893, № 45, стр. 1627—1630.

²⁾ Сообш. Импер. прав. Палест. Общ., іюнь, 1894, стр. 299—310.

³⁾ Можно для счета упомянуть еще о небольшихъ статьяхъ проф. С. А. Терновскаго „О послѣднихъ дняхъ жизни, кончинѣ и погребеніи настоятеля русской духовной миссіи въ Палестинѣ арх. Антонина“ (Труд. Кіев. дух. Акад. 1894, т. 2 стр. 161—169), „Слово, сказанное при погребеніи его, арх. Фотіемъ секретаремъ іерусалимскаго патріарха (Тамъ же, стр. 185—190) о. прот. К. Фоменко „На могилѣ о. архим. Антонина, начальника русской прав. миссіи въ Іерусалимѣ“ (Тамъ же, стр. 634—666) и С. И. Пономарева „Памяти о. архим. Антонина“ (Тамъ же, т. 3, стр. 636—652).

⁴⁾ Сообш. Импер. Пал. Общ. іюнь, 1894, стр. 299.

завѣтами котораго оно руководится въ своей дѣятельности и доселѣ. Спѣшимъ при этомъ оговориться, что мы, не желая навязывать своихъ думъ и мыслей, постараемся большею частію говорить словами о. архимандрита Антонина, оставившаго драгоценный біографическій матеріалъ въ своихъ многочисленныхъ учено-литературныхъ трудахъ и въ подавляющей массѣ корреспонденцій, помѣщенныхъ имъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ духовныхъ и свѣтскихъ.

О. архимандритъ Антонинъ, въ мірѣ Андрей Ивановичъ Капустинъ, сынъ священника ¹⁾ села Батурина, Падриискаго вѣзда, Пермской губерніи, въ Зауралѣ.

День своего появленія на свѣтъ Божій онъ точно установилъ дневникомъ своего отца, который привѣтствовалъ будущаго востоковѣда слѣдующими словами: „лѣта отъ Р.Х. 1817, августа въ 11 день, косивши сѣно на покосѣ съ полочанами и отблагодаривши ихъ по вечеру, не хотѣлъ я новелать въ П**, а спѣшилъ въ темную ночь домой, встрѣтить имѣющее явиться въ міръ мое чадо, а чтобы не скучно было ѣхать въ ночи, пѣлъ я „Волною морскою“... и канонъ часхальный на встрѣчу тебѣ. Около полуночи, достигши дома, уснулъ до утра. Такъ какъ церковь наша вдовствовала безъ священника, а мѣсто было зачислено за мною, то и не случилось въ 12 число (день воскресный) ни утрени, ни литургій, во время которой примѣрно часу въ 8 или 9-мъ родился ты, добрый молодецъ, въ *многобѣдный міръ сей*, при сномъ красномъ солнышкѣ, теплой и пріятной погодѣ, при открытыхъ всѣхъ окнахъ. По рождествѣ твоемъ, думаю, творено было въ горницѣ окно для показанія тебѣ блага

¹⁾ Предокъ о. архим. Антонина Мих. Капустинъ выходецъ изъ Великаго Устюга. Мать о. Антонина дочь священника арца Григорьевна Варлакова, мѣстная уроженка.

свѣта. Когда-же мать твоя увидѣла тебя при свѣтѣ, при всей радости, не поглынулся ей твой *высокій носъ*¹⁾.

Какъ показываетъ и приведенная выдержка изъ родительскаго дневника, родная семья о. Антонина не могла похвалиться достаткомъ и жила церковною „ругою“ и трудами рукъ своихъ. „Воспитанный „ругою и трудами“, я имѣлъ всю печальную возможность видѣть, говорить о себѣ о. Антонинъ, какъ, послѣ оплакиваемой кончины (въ 1865 г.) воспитавшаго меня, остался только деревянный домъ (на пригоркѣ) съ рябиновымъ садикомъ и огородомъ при немъ и положительно ничего болѣе! А между тѣмъ приходъ, питавшій семью нашу, состоялъ, думаю, именно изъ 356 домовъ, если не болѣе“²⁾. При жизни труженика—отца семьи Капустинныхъ жила все же въ нѣкоторомъ довольствѣ и обстановкѣ, вполнѣ напоминающей бытъ большинства нашего духовенства первой половины истекшаго XIX столѣтія. Перевожусь мыслію къ золотому дѣтству, о. Антонинъ рисуетъ передъ нами картину этой домашней обстановки по случаю храмоваго праздника въ родномъ селѣ. „Предъ взоромъ неотразимо стоитъ, пишеть онъ въ запискахъ синайскаго богомольца, сельская, еще недостроенная церковь, полная народа по случаю храмоваго праздника Преображенія Господня. Напросившійся чтецъ, не принадлежащій собственно „крылосу“, но имѣющій на немъ привилегированное мѣсто, только что окончилъ первый часъ. Въ крылосное окно чуть проникаетъ свѣтъ начинающагося радостнаго дня. За рѣшеткой его очертываются прямо на югъ силуэты деревянныхъ лавокъ, полныхъ на сей разъ заманчивыхъ для дѣтскаго вкуса товаровъ. Явленіе это повторялось въ селѣ только три раза въ году—въ два храмовые праздника и въ девятую пятницу; слѣдо-

¹⁾ Изъ записокъ синайскаго богомольца (Труд. Кіев. дух. Акад. 1873, мартъ).

²⁾ Изъ Румелии СПб. 1886, стр. 205—206.

зательно, не даромъ осталось до сихъ поръ (въ 53 года) памятнымъ душѣ. До обѣдни, т. е., до звона „на соборъ“, оставался тоже часовой промежутокъ времени. Онъ (т. е. отецъ) уже пошелъ домой изъ церкви и высматриваетъ заглядѣвшагося въ окошко чтеца. Можно поручиться, что дома никому и въ голову не придетъ спать. *Предстоитъ набожанье самолучшаго платья, прочитыванье апостола, высматриваніе сквозь балъзамины и гераніи нарядныхъ голгѣ, направляющихся къ церкви, ожиданіе гостей, и проч.* Затѣмъ имѣются въ виду переводъ колоколовъ, свѣтлопарчевыя ризы служащихъ, придворное „Милость мира“, освященіе вишеня (вмѣсто, конечно, винограда), обхождение лавокъ съ св. водой и—*цѣлодневныя утѣшенія дома всякаго рода*“¹⁾. Впрочемъ, какъ видно, не легко давались описанное довольство и вѣдшее благополучіе труженику—священнику Зауралья села Батурина, идеальный образъ котораго рисовался предъ мысленнымъ взоромъ пятидесятигрехъ лѣтнаго синайскаго богомольца въ такихъ обаятельныхъ чертахъ. „Чей-то обликъ неотлучно стоитъ надъ головой *ласковый и молчаливый и неизмѣнно печальный?*“, да, знаю, отвѣчаетъ на свой вопросъ о. архимандритъ Антонинъ. Изъ глубины далекой могилы высматриваешь ты своего чтеца и зовешь „домой“. Но—подожди. Въ окнѣ еще не обрисовалось ясно. Прочитанъ только *первый* часъ,—лѣтъ, прочитаны, конечно, уже и *третій и шестый* и вѣрно читется монотонно часъ *девятый*. Но—все равно,—приди за мною въ послѣдній часъ покаянія, *часъ единонадесятый*“²⁾.

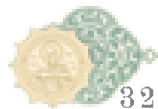
¹⁾ Изъ записокъ синайскаго богомольца. (Труд. Кіев. дух. Акад. 1873, мартъ).

²⁾ Тамъ же.

Мирная семейная обстановка, „золотое время“ дѣтства, въ завітномъ отчетѣ „домѣ“, посреди величественной грозной природы родного села Батурина, за поилицей Солодянкой ¹⁾— все это оставило неизгладимый, глубокий слѣдъ въ впечатлительной душѣ о. архимандрита Антонина и въ пору разцвѣта его силъ физическихъ и духовныхъ нерѣдко служили ему источникомъ самыхъ чистыхъ, отрадныхъ воспоминаній, успокоительно и ободрительно дѣйствовавшихъ на его душу. „Трехмѣсячное пребываніе въ кругу своихъ русскихъ, соединенное съ братскимъ радушіемъ святогорцевъ и съ плѣнительною мѣстностію св. Горы, *напоминавшей мнѣ безпрестанно своили лѣсали далекую родину*, пишетъ о. Антонинъ о своемъ пребываніи на св. Горѣ, держали меня, впрочемъ, постоянно и на Аѳонѣ *подъ тихими и какъ бы родственными впечатлѣніями дома*“ ²⁾. „Помню я, говорить о. Антонинъ въ другомъ мѣстѣ той же книги, тяжелое величіе сѣвера! Въ его безграничныхъ лѣсахъ, *глухихъ и дремучихъ*— по выраженію народному, среди глубокаго молчанія сырой флегматической жизни земли, стоишь и подавляешься, бывало, неотразимымъ уныніемъ,—рабски чувствуешь свое ничтожество, и не можешь поднять господственнаго взора ни на что. Отдаленный шумъ вѣтра въ верхушкахъ гигантскихъ деревьевъ вѣваетъ въ мысль твою тупое и обездушивающее разсѣяніе, а переполненность растительной жизни, дикой и одичавшей все, подпадающее вліянію силъ ея,—какъ бы не замѣчающей, какъ бы отрицающей случайно занесенное въ нее, скудное бытіе твое, наполняетъ душу страхомъ. Не разъ я вынужденъ былъ бѣжать изъ грозной пустыни лѣса, чтобы спасти въ себѣ присутствіе духа. Таковъ сѣверъ—severus! Отъ того и подвижъ сѣверный суровъ, непривѣтливъ, какъ бы не милостивъ! Отъ того и подвижникъ нашъ печаетъ

¹⁾ Поѣздка въ Румелію. СПб., 1879, стр. 17.

²⁾ Записки поклонника св. Горы. Киев, 1864, стр. 376—377.

лень, важенъ, строго, холоденъ, какъ-бы страшенъ“¹⁾. С дремучими глухими лѣсами родины невольно связывается воспоминаніе у о. Антонина о русской осени, безжалостно уничтожающей всю красу ихъ и навѣвающей на чувствительную душу инныя впечатлѣнія. „Въ нашей осени, говоритъ о. Антонинъ, есть столько тихой, грустной красоты, столько глубокаго нравственнаго смысла, столько созвучныхъ душѣ, родственныхъ тоновъ, что не желать видѣть ее, кажется, значило бы не желать видѣть самого себя. Нѣтъ, пусть придутъ своимъ чередомъ и осень желтая, и зима сѣдая! Если бы даже за ними не ожидалась весна, и тогда пусть съ равнодушіемъ (если уже нельзя съ радушіемъ) относиться къ нимъ приплещъ и присельникъ міра“²⁾.

Научившись грамотѣ по Псалтири³⁾ подъ руководствомъ своего отца, отъ природы чувствительной, нѣжной души весьма любознательный и впечатлительный „бѣдный парень“ какъ онъ самъ себя называетъ, отвозится въ суровую бурсу Далматовскаго духовнаго училища (1826—30-хъ годовъ) напутствованный благословеніями и слезами „пригорюнившейся и пристально смотрящей на увозимаго въ школу“ родной семьи.

Непривѣтливо встрѣтила бурса новичка, и время, проведенное въ ней въ теченіе пяти лѣтъ, покойный о. архимандритъ прямо называетъ „не веселымъ для себя“. „Науку (латинская и греческая долбня) не давались парню“, пишетъ онъ. „Въ классѣ⁴⁾ онъ сидѣлъ „низко“, къ злоименному по

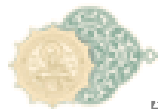
¹⁾ Тамъ же, стр. 140.

²⁾ Тамъ же, стр. 376.

³⁾ Изъ записокъ синайскаго богомольца, стр. 15.

⁴⁾ „Начальникъ училища былъ завзятый латинистъ. Школьные дни дѣлились дѣлились на *латинскіе* и *греческіе*: понедѣльникъ среда и пятница—латинскіе, остальные—греческіе. Въ стѣнахъ класса ученики обязаны были въ латинскіе дни говорить по-ла

рогу ходилъ часто, „безъ обѣда“ оставался чуть не по седми разъ въ недѣлѣ, въ „нотатѣ“ почти постоянно значился подѣ іероглифами N. B. (non bene) и οὐκ (οὐ καλῶς), въ рѣдкость ER (rans—ошибающійся) и 'AM (αρτάνων—погрѣшающій), и почти никогда s(ciens—знающій) и Γ(ινώσκων)—до того, что наиболѣе тужившій о немъ имя-рекъ помышлялъ уже взять „тупицу“ изъ школы и будущаго археолога обратить въ борноволока... Давно все это было и очень далеко отъ Византіи, которую и тогда лѣнивый умъ, впрочемъ, уже ловилъ подѣ всякимъ подходящимъ образомъ, а наука, вооруженная „лозой“ и „безобѣдомъ“, постоянно искала закрыть

тѣни, и тому, кто проговаривался по-русски, всучивался въ руки calculus. Всѣхъ, у кого онъ побываетъ за день, вносили „цензоръ“ въ „записку“, и ожидала неминуемая расправа «у порога», характеризуемая именемъ «бреззовой каши» и пр. Предѣ классомъ всѣхъ учениковъ выслушивали «авдителя» и отмѣчали въ «нотатѣ» знающихъ буквами: s(ciens) и γ(ινώσκων) ошибающихся: er(rans) и ἄμ (αρτάνων), худо знающихъ: nb(pog bene) и οὐκ (οὐ καλῶς), совсѣмъ незнающихъ: ns(pesciens) и οὐχ (οὐχ!). Несчитовъ и энбеевъ почти всегда «порогъ» учитель Еранцовъ и амартановъ переслушивалъ и ставилъ «на колѣни» или на мѣстѣ, или тоже «у порога». Случалось, что переспрашивалъ и считовъ съ иносками, и горе аудитору, если они оказывались помѣченными выше своихъ дѣйствительныхъ успѣховъ. Аудиторы, въ свою очередь, тоже «слушались» у другихъ, подслушныхъ другимъ аудиторамъ. Не безъ того, что бывали и злоупотребленія властью со стороны этихъ тиранчиковъ въ родѣ прижимокъ, потачекъ и не гласныхъ поборовъ хлѣбомъ бумагой, перьями, бабками. Между одноавдиторниками бывало такого рода соревнованіе, что невыучившіе «урока» мѣшали всячески выучившему отвѣтить предѣ аудиторомъ хорошо. Пишущій сіи строки цѣлыхъ два года не выходилъ изъ уковъ и энбеевъ только потому, что попалъ въ среду такихъ, для которыхъ и е (произноси: је)рансъ былъ предметомъ «зависти». Прим. о. архим. Антонина (Потѣдка въ Румелію, стр. 17—18 прим. 1).

онъ воображенія, подставляя ему, вмѣсто свѣтлаго видѣнія, мрачный урокъ, урокъ и больше ничего“ ¹⁾. „Aurora musica, не даромъ мы когда-то „доказывали“ это въ своей ученической задачкѣ, усыпая „еррорами“ ²⁾ свою пиццерину. Не знаешь бывало, за чѣмъ смотрѣть болѣе, мысли ли чтобъ были подходящія, латынь ли чтобъ была безъ ошибокъ переписано ли чтобъ было аккуратно, тетрадка ли чтобъ была чистенькая, задачка подана въ свое время и проч. *Поневолѣ долженъ былъ дружить съ музами, сочувствія къ которымъ ничто не вызывало въ тогдашней обстановкѣ жизни“* ³⁾.

Но время лучший врачъ всѣхъ невзгодъ и страданій и на 53 году своей жизни, подлѣ кровомъ далекой отъ культурнаго міра Синайской обители, онъ напелъ возможнымъ сказать нѣсколько тензыхъ словъ и о Далматской обители, гдѣ прошло „не легко“ его золотое дѣтство. „О, далекая полоса земли, съ безвѣстнымъ, но вѣщимъ для меня именемъ, восклицаетъ о. Антонинъ въ своихъ запискахъ синайскаго богомольца, съ монастырскими стѣнами, девятиглавою синаеподобною церковію, троицкими березками, множествомъ дѣтскихъ лицъ и хвалебныхъ голосовъ, *приготовившая почти за полстолѣтія предъ симъ, восторгавшемуся отъ „божественныхъ тѣсней“, юному сербцу путь на Синай! Вижу тебя присно, говорившую мнѣ и ревомъ волнующагося попта Чермнаго, и голосомъ начинающей Маріамы съ лики и тимпаны, и шумомъ громовъ синайскихъ, и слад-*

¹⁾ Поѣздка въ Румелію, стр. 17—18.

²⁾ «Еггoг—погрѣшность, которую знаменовала наведенная учителемъ подлѣ мѣстомъ описки черточка. Сумма такихъ черточекъ выставялась учителемъ въ концѣ задачи и опредѣляла собою „похвалу“, а, при переходѣ въ двѣ цифры, перѣдко и ливерсію «къ порогу». Прим. о. Антонина.

³⁾ Поѣздка въ Румелію, стр. 327.

кою манною, и свѣтлымъ облакомъ, вижу тебя даже здѣсь на самой сей, нѣкогда покровенной божественнымъ мракомъ, трящейся и курившейся *горь Божіей*! ¹⁾ Еще разъ онъ вспомнилъ о дорогой ему Далматовской обители, въ часъ *единонадесятый*, предъ самою смертію, отыскавъ, по духовному завѣщанію, *кабинетный крестъ* ²⁾, который онъ носилъ до гробовой доски на своемъ многострадальномъ сердцѣ...

Въ началѣ 30-хъ годовъ Андрей Капустинъ поступаетъ для продолженія образованія въ Пермскую духовную семинарію ³⁾, но оставался въ ней до 1836 года. Покинуть родную семинарію и промѣнять ее на Екатеринославскую (1836—1839 г.) побудило его желаніе находиться подъ бдительнымъ окомъ своего дяди по отцу, ректора Екатеринославской семинаріи *Іоны* (магистръ Московской духовной Академіи, впоследствии епископъ Екатеринбургскій), принимавшаго на себя дальнѣйшія заботы о его воспитаніи. Переходъ съ суроваго сѣвера на благодатный югъ, подъ вліяніе даровитаго и образованнаго дяди, имѣлъ на него во всѣхъ отношеніяхъ весьма благотворное вліяніе: здѣсь окрѣпъ и развился отъ природы его хилый организмъ и раскрылись во всемъ

¹⁾ Изъ записокъ синайскаго Богомольца, стр. 133.

²⁾ Труды Кіев. дух. Акад. 1894, т. II, стр. 162.

³⁾ Въ Пермской духовной семинаріи у Андрея Капустина обнаружилия нѣкоторые исключительные таланты. Здѣсь, по словамъ о. Антонина, онъ слылъ за «поэта» и сталъ извѣстенъ въ своемъ кругу «Далматовскою рекреаціею». Страсть эта къ стихотворству не покидала о. Антонина и въ Екатеринославской семинаріи, гдѣ онъ написалъ въ стихахъ «Седмичу страстей Христовыхъ», напечатанную въ Кіевѣ въ 1850 г. отдѣльною брошюрою (С. Венгеровъ, „Критико-библіограф. словарь русскихъ писателей и ученыхъ“. СПб. 1889, т. 1, стр. 628 прим.) и потомъ даже на службѣ на Востокъ до конца дней жизни (Труды Кіев. дух. Акад. 1894, т. 3, стр. 634).

блескъ недюжинныя природныя дарованія ума и воли. За свои незаурядные успѣхи въ греческомъ языкѣ Андрей Капустинъ, будучи семинаристомъ высшаго отдѣленія, назначенъ былъ лекторомъ этого языка въ 1837—1839 годахъ въ низшемъ отдѣленіи воспитавшей его семинаріи, съ платою по 100 рублей ассигнаціями въ годъ.

Какъ лучший воспитанникъ, онъ, по окончаніи курса въ семинаріи, поступилъ въ 1839 году въ Кіевскую духовную Академію въ составъ XI курса (1839—1843). По окончаніи курса со степенію магистра богословія¹⁾, какъ юноша, подающій большія надежды, Андрей Капустинъ 25 октября 1843 года былъ назначенъ бакалавромъ Академіи по нѣмецкому языку, который скоро же (1 іюня 1845) смѣнилъ болѣе любимымъ—языкомъ греческимъ. Въ 1845 году, 7 ноября, Андрей Капустинъ принимаетъ отъ рукъ Кіевского митрополита Филарета монашество съ именемъ *Антонина* и рукополагается 18 ноября въ іеродіакона, а 21 того же мѣсяца въ іеромонаха. „Поступленіе въ монашество, по словамъ Н. В. Хитрово, было для него, какъ кажется, дѣломъ случая, тѣмъ неисповѣдимымъ, непонятнымъ для насъ, рожденіемъ Божиимъ, намѣчающимъ пути, по которымъ намъ приходится идти, не будучи въ состояніи отдать себѣ отчета, отчего именно мы пошли скорѣе по этой, чѣмъ по другой жизненной дорогѣ. Монахомъ, въ общеупотребительномъ значеніи этого слова, архимандритъ Антонинъ никогда не былъ, и на это онъ самъ неоднократно указывалъ. Никогда не жилъ онъ въ монастырѣ, никогда онъ не проходилъ никакихъ монашескихъ послушаній. А между тѣмъ кто допускался до комнаты, гдѣ онъ проводилъ свою жизнь въ Іерусалимѣ, кто видѣлъ, какъ, даже въ пути, онъ скорѣе голодалъ, чѣмъ разрѣшить себѣ недозволенное

¹⁾ Степени магистра о. Антонинъ былъ удостоенъ 29 октября 1845 года.

мясное, что такъ обыденно на Востоку среди даже высшихъ іерарховъ и, наконецъ, кто не разъ заставлялъ его за починкою своей ветхой рясы, тотъ долженъ былъ сознаться, что по духу онъ былъ болѣе монахъ, чѣмъ монахи, живущіе въ кельѣ¹⁾. Но мы едвали ошибемся, если скажемъ, что ближайшимъ толчкомъ къ монашеству для о. архимандрита Антонина послужило постриженіе въ иночество, 11 октября 1844 года, Петра Семеновича Авсенева, съ именемъ Теофана, профессора философскихъ наукъ въ обоихъ нашихъ Киевскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ—въ духовной Академіи и въ Университетѣ Св. Владиміра, привлекавшаго къ себѣ чистотою своей души и глубиною философскаго мышленія „повергавшаго весь классъ въ глубокое размышленіе“. Съ этимъ человѣкомъ о. Антонинъ сблизился до интимной дружбы, вѣрность которой онъ потомъ хранилъ всю жизнь²⁾, подчинился обаянію его высоконравственной личности, старался слѣдовать по его стопамъ, поддерживая и въ разлукѣ съ нимъ самую живую связь въ непрерывной перепискѣ.

Съ принятіемъ монашества о. Антонинъ еще разъ перемѣнилъ свою спеціальность, перейдя (31 октября 1847 года)³⁾ съ греческаго языка на герменевтику или изъясненіе

¹⁾ Сообщ. Импер. прав. Палест. Общ. 1894, іюнь, стр. 300—301; см. Изъ Румелии, стр. 448, 498—499.

²⁾ Плодомъ этого благоговѣйнаго почтенія къ памяти почившаго своего профессора и личнаго друга является съ глубокимъ искреннимъ чувствомъ написанный о. Антониномъ некрологъ архимандрита Теофана Авсенева, послѣ посѣщенія его могилы въ Римѣ, гдѣ скончался этотъ почтеннѣйшій профессоръ нашей Академіи. Журн. Мин. Народн. Просв. 1853, мартъ, отд. VII, стр. 101—108

³⁾ Съ 24 октября 1846 по 17 ноября 1847 года о. Антонинъ временно читалъ лекціи по нравственному богословію. 15 февраля 1847 года былъ назначенъ членомъ внутренняго правленія по учебной части.

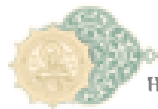
Священнаго Писанія и обличительное богословіе, каковую кафедру и занималъ до выхода изъ Академіи почти три года. „Въ преданіяхъ старѣйшихъ представителей Академіи, пишеть о профессорской службѣ о Антонина приснопамятный въ лѣтописяхъ нашей школы покойный И. И. Малышевскій, отмѣчены характеристическія черты его, какъ преподавателя послѣднихъ двухъ предметовъ, особенно герменевтики, *производившаго глубокое впечатлѣніе*¹⁾ на слушателей пріемами тонкаго анализа въ разъясненіи научныхъ положеній, въ объясненіи трудныхъ мѣстъ въ текстѣ Священнаго Писанія“²⁾.

11 сентября 1846 года о. Антонинъ принялъ на себя обязанности помощника инспектора Академіи и несъ ихъ до 1850 года. Служебныя непріятности, возникшія у него по инспекціи въ Академіи, лишеніе незамѣнимаго друга и нравственной опоры въ лицѣ инспектора Академіи о. архимандрита Теофана Авсенева, по болѣзни, оставившаго службу при Академіи и получившаго мѣсто настоятеля при посольской церкви въ Римѣ, и, наконецъ, постоянное „сѣ дѣтства влеченіе души его къ Византіи, какъ духовной родинѣ“³⁾, и вообще на Востокъ—все это вмѣстѣ взятое побудило и о. Антонина оставить службу при Академіи и искать себѣ мѣста настоятеля при церкви нашей миссіи въ Афинахъ.

¹⁾ Доставались эти профессорскіе успѣхи о. Антонину не легко. О бессонныхъ профессорскихъ ночахъ, онъ и въ позднѣйшее время вспоминалъ, приводя на память горькимъ опытомъ дознанную правдивость изреченія Апостола: *спящихъ въ нощи смятъ* (Солун. V, 7). „Было время, пишеть онъ, когда я, по указанію нужды профессорной, долженъ былъ проходить вниманіемъ это выраженіе Апостола, казавшееся мнѣ (дотолѣ, конечно) лишеннымъ особеннаго значенія“. (Поездка въ Румелию, стр. 159—160).

²⁾ Церков. Вѣдом. 1893 г. № 45, стр. 1628; Сн. Извлеч. изъ протока. Совѣта Кіев. дух. Академіи за 1892/93 учебн. годъ, стр. 113.

³⁾ Изъ Румелии, стр. 613.

„Кіевлянину стало припоминаться, пишетъ о. Антонинъ въ объясненіе своего влеченія на Востокъ, что въ то время еще, когда онъ думалъ о Кіевѣ, какъ о счастіи другого міра, ему казалось, что за Печерскою картиною скрывается другая, и не одна,—даже ея, лучше ея, таинственнѣе,—что *Кіевъ есть только перепутье въ Іерусалимъ*—въ рай. И точно. Скоро святыня первопрестольнаго города Руси стала казаться ему неполною, теплота недостаточною, тысячелѣтняя древность слишкомъ свѣжею, князь Владиміръ—только отсвѣтомъ царя Багрянороднаго. Душа плѣнилась уже другими образами. Несравненно свѣтлѣйшія точки блестягъ ему—до ослѣпленія—на темной перспективѣ будущаго“¹⁾. „Востокъ есть колыбель челоуѣчества. Довольно сказать это, замѣчаетъ о. Антонинъ по другому случаю, чтобы сдѣлать мысленный поклонъ въ ту сторону, „откуда свѣтъ истекъ“. Челоуѣку, любящему припоминать дни древніе и помышлять о лѣтахъ вѣчныхъ, *нѣтъ пригоднѣ мѣста для этого, тоже въ своемъ родѣ умнаго дѣланія*, какъ Византія, отъ котораго и безъ того на русскую душу вѣетъ чѣмъ-то своимъ, близкимъ, но такимъ давнимъ, что теряются всѣ различительныя черты дорогого образа и остается въ душѣ одно общее представленіе *чего-то неодолимо влекущаго*, какъ память о матери у челоуѣка, осиротѣвшаго въ дѣтствѣ“²⁾.

На перепутьи къ Византіи и Іерусалиму для о. Антонина, однакожъ, стояла Греція, куда онъ получилъ назначеніе 15 мая 1850 года. „Одного слова этого довольно для меня, пишетъ о. Антонинъ, чтобы вдругъ охватиться чувствомъ несказаннаго блага, какого-то духовнаго родства, жалѣнія, умиленія, забытья... Обратившійся уже весь въ идеалы,

1) Запѣтки поклонника св. Горы, стр. 2.

2) Поѣздка въ Румелію, стр. 7.

классическій міръ неотразимо влечетъ меня къ себѣ напрашивающимися и дружески помагающими, не въ мѣру, конечно, преувеличенными представленіями всего юнаго, живого легкаго, свѣтлаго, цвѣтущаго и радующаго. А тутъ еще самый обликъ его сіяющій, рѣющій, утопающій въ синевѣ моря и лазури неба“¹⁾. „Каменистая, безлѣсная, ненаселенная и вообще неприглядная Аттика, *десять лѣтъ*, пишетъ о своемъ пребываніи въ Аѳинахъ о. Антонинъ, неустанно очаровывала меня своимъ тонкимъ ароматическимъ воздухомъ, своимъ яснымъ небомъ, своимъ почти непрекращающимся ведромъ, тепломъ, свѣтомъ... а всего болѣе своимъ неисчерпаемымъ прошедшимъ, полнымъ самыхъ живыхъ, привлекательныхъ, какъ бы вѣчно свѣжихъ, юныхъ, цвѣтущихъ образовъ. Ее, ненаглядную, я многократно ѣздивъ обзрѣвать всю „во мгновеніе ока“ съ сосѣдней громады горной, именуемой *Имитомъ*, и раза два для той же цѣли взбирался еще на болѣе высокую точку, на вершину Пентелика, съ которой самъ Имитосъ казался ровнымъ полемъ“²⁾.

Но за восторгami и увлеченіями прошлымъ прекрасной Греціи и „неприглядной“ Аттики у любознательнаго и трудолюбиваго о. Антонина, къ слову сказать, здѣсь же въ Аѳинахъ, въ соборной церкви, 5 апрѣля 1853 года, возведеннаго, по указу Св. Синода, въ санъ архимандрита митрополитомъ аѳинскимъ Неофитомъ, слѣдовала серьезная кропотливая и настойчивая работа и для самообразованія, и для науки, и на славу русскаго народа, горячо имъ всегда любимаго. Здѣсь въ Аѳинахъ, въ теченіе десятилѣтняго пребыванія, имъ положены прочныя основанія для будущей его весьма *плодотворной научной и практической дѣятельности въ Константинополѣ и въ Іерусалимѣ*, сдѣлавшей его

¹⁾ Изъ Румеліи, стр. 453.

²⁾ Тамъ же, стр. 598.

имя извѣстнымъ далеко за предѣлами родины и предметомъ благовѣйнаго почтенія и изумленія всѣхъ тѣхъ, кому выпадала на долю счастливая возможность ближе познакомиться съ дѣятельностію этого по истинѣ русскаго гиганта мысли и воли... По водвореніи въ Аѳинахъ, о. Антонинъ прежде всего рѣшился заняться устройствомъ здѣсь русской церкви во имя Св. Троицы (иначе св. Никодима), которая, по его сознанію, „до времени ея возобновленія возбуждала въ немъ чуть не слезы своимъ достопащечнымъ видомъ ¹⁾), и заставила его, не смотря ни на что, взять судьбу ея въ свои пустыя и слабыя руки“ ²⁾. „Это, безъ сомнѣнія, по словамъ о. Антонина, есть рѣдкій обращикъ византійской архитектуры изъ эпохи ея процвѣтанія, рѣдкій и по своеобразности плана, и по изяществу, и по размѣрамъ (сравнительно съ другими памятниками въ Греціи одного съ нимъ времени), и даже по сохранности. Для меня, прибавляетъ о. архимандритъ, онъ былъ даровою, долговременною и самою пріятною школою изученія христіанскихъ древностей. Мы, такъ сказать, подали другъ другу руку помощи“ ³⁾. „Я разсказалъ г. Папагіоти Ромботи (извѣстному ученому археологу), свидѣтельствуешь создатель храма св. Троицы, всю исторію возобновленія прекраснаго храма, со всѣми ея грустными и радо-

¹⁾ Надобно было видѣть, говорить о. Антонинъ, въ какомъ достопащечномъ видѣ стояли еще въ 1850 г. развалины прекраснаго зданія, и какому не пишесому посрамленію подвергались особенно въ ночное время, чтобы понять всю мою безграничную любовь къ нимъ, преобразившимся, по манію русскаго правительства, въ вещь ненаглядную—*bijou*, какъ называлъ нашу св. Троицу въ 1856 г. возвращавшійся изъ Крыма, побѣдоносный *duc de Malakoff*“. Изъ Румеліи, стр. 584.

²⁾ Изъ Румеліи, стр. 469.

³⁾ Тамъ же, стр. 583—584.

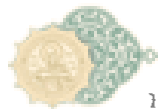
сными перинетіями, въ которыхъ недостатка не было, указать и на христіанскій Панаѳінеонъ¹⁾, которымъ могутъ любоваться и хвалиться „мужа аѳінейстіи“, изучая его въ лицахъ на стѣнахъ нашей церкви. Мы вмѣстѣ облазили даже обширныя подземелья, простирающіяся подъ церковью и подъ церковною оградой и принадлежатія еще языческимъ Аѳіонамъ. Все это дѣлалось мною съ жадніемъ и умиленіемъ, поставившамъ меня даже на верхъ нашей изящной башни — колокольни, *тоже дѣлница моей мысли, имѣвшаго тоже свои перинетіи*“²⁾...

Послѣ развалинъ храма Никодима или св. Троицы о. Антоній не менѣе усердно занимался въ Аѳіонахъ христіанскими надписями, „отысканными имъ въ значительномъ количествѣ на ложбинахъ (капеллюрахъ) периметра нѣкоторыхъ колоннъ перестіля Парвенона, преимущественно на западномъ фасадѣ его“³⁾. Вотъ какими словами привѣтствовалъ, по возвращенію въ Аѳіны изъ Румеліи, о. архимандритъ Антоній это удивительное и дивное въ своихъ даже развалинахъ произведеніе Иктына и Каликрата: „Привѣтствую въ *несчетный разъ* преименитое зданіе, которое въ былое время считалъ настолько знакомымъ и *какъ бы своимъ*, что могъ всѣ подробности его воспроизводить въ

¹⁾ „Пользуясь свободою ктитора, настоятеля и главнаго направителя по возобновленію нашей Аѳіонской посольской церкви, я провелъ мысль свою покрыть стѣны ея (собственно говоря, столбы) *изображеніями святыхъ, или родившихся въ Аѳіонахъ, или умершихъ, или просто жившихъ тамъ, однимъ словомъ бывшихъ въ Аѳіонахъ*“. Прим. архим. Антонія.

²⁾ Изъ Румеліи, стр. 609.

³⁾ Тамъ же, стр. 593. Сочувственную оцѣнку его работъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ покойный византологъ В. Г. Васильевскій въ Критико-библіограф. словарѣ русскихъ писателей и ученыхъ С. А. Венгерова, т. 1, стр. 630—631.

памяти во всякій потребный моментъ“ ¹⁾). „Работа эта (т. е. занятіе надписями въ Пароеноиѣ), доставившая мнѣ лѣтъ 10 тому назадъ, пишетъ о. Антонинъ послѣ побѣдки въ Румелию, такое высокое удовольствіе, сдѣлалась достояніемъ читающей публики въ 1856 г. чрезъ аѳинскую археологическую газету № 43, гдѣ, всѣ 80 сдѣланныхъ мною копій надписей, отлитографированы, къ сожалѣнію, весьма неудачно на шести таблицахъ, вмѣстѣ съ моимъ же планомъ древнихъ подземелій, открытыхъ мною подъ Никодимовою церковью, служащимъ поясненіемъ къ статьѣ моей въ томъ же номерѣ газеты о произведенныхъ мною подъ церковью раскопкахъ“ ²⁾).

Практическая археологическая школа, пройденная о. Антониномъ въ Аѳинахъ подъ руководствомъ отчасти такихъ знатоковъ древностей, какъ, напр., *Ромботи*, принесла ему несомнѣнно громадную пользу въ его послѣдующей научной дѣятельности. Но едва-ли не самымъ цѣннымъ приобрѣтеніемъ для него въ Аѳинахъ было знакомство съ живою разговорною греческою рѣчью „во всей полнотѣ ея совершенствъ и недостатковъ“ ³⁾ и изученіе греческихъ нравовъ и обычаевъ также со всѣми ихъ достоинствами и недостатками. На греческомъ языкѣ о. архимандритъ писалъ, какъ показываетъ и его собственное признаніе, уже въ 1856 году, и стиль его считался, какъ мы лично слышали, образцовымъ даже научно образованными греками. Этому чуждому языку онъ даже приписъ въ жертву свой родной русскій языкъ. „Въ теченіе девятилѣтняго пребыванія въ Греціи,

¹⁾ Изъ Румелии, стр. 592.

²⁾ Тамъ же, стр. 593. Русское Императорское археологическое Общество издало въ 1874 г. его сборникъ надписей подъ заглавіемъ «О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ». Статья съ планомъ храма Никодима напечатана во II томѣ, въ 3 в. «Извѣстій» этого Общества за 1859 г.

³⁾ Изъ Румелии, стр. 250.

признавался покойный о. Антопінъ во время своего пребыванія на Аѳонѣ еще въ 1859 году, я значительно отвыкъ и *отъ русской бѣсѣды* и отъ русской природы. Физическая обстановка св. Горы и рѣчь соотчичей, почти исключительно слышанная мною въ теченіе столькихъ дней, освѣжительно подѣйствовали на мое уже космополитизировавшееся чувство. Къ концу гостѣбы своей на Горѣ я пересталъ уже ошибаться въ разговоръ съ русскими братіями, ввертывая греческія слова, какъ это было со мною вначалѣ, къ моему собственному стыду и удивленію. Запавшись духомъ русскимъ, я съ охотою возвращался въ стихію эллинскую, чтобы съ новою силою продолжать тушить ея жгучій пламень политическаго броженія хладнымъ дыханіемъ сѣвернаго равнодушія къ политическимъ формамъ жизни¹⁾.

Отсюда, изъ Аѳонъ, обыкновенно въ „лѣтнее время, дѣлавшее тяжкимъ пребываніе на каменистой почвѣ Аттики подъ палящими лучами солнца“²⁾, въ цѣляхъ самообразованія³⁾, о. архимандритъ Антонинъ предпринималъ научныя

1) Замѣтилъ поклонника св. Горы, стр. 377. Не безынтересны слѣдующія откровенныя признанія о. архим. Антонина о его вынужденномъ грекофилствѣ. „Много разъ странствуя тамъ и сямъ по Востоку, я нудился ставить себя въ положеніе грека, говоритъ онъ, чтобы живѣе и, такъ сказать, первобытнѣе были тѣ впечатлѣнія, кои неслись на сердце отъ той или другой исторической мѣстности, совсѣмъ иначе, конечно, говорящей въ родной слухъ греческій, чѣмъ въ слухъ туриста, даже изслѣдователя-историка, даже отъявленнаго византиниста, но чужденца“ . Поѣздка въ Румелію, стр. 21.

2) Замѣтилъ поклонника св. Горы, стр. 3.

3) „Въ первый разъ путешественникъ въ Св. Землѣ, по словамъ о. архим. Антонина, можетъ быть, съ прискорбіемъ замѣтить, что между созданными имъ самимъ образами библейскими и между дѣйствительностію, есть разница, часто безмѣрная. Его представленія городовъ, деревень, полей, лѣсовъ и рѣкъ, упоминаемыхъ въ св. исторіи, неожиданно оказываются

экскурсії и „въ вѣчный Римъ“, и „въ Оивы великія стовратныя и въ Оивы семивратныя“, и въ Іерусалимъ, и на Аѳонъ¹⁾. Плодомъ двухъ послѣднихъ пугешествій его въ 1857 году въ Іерусалимъ были, не лишеныя значенія для его послѣдующей дѣятельности въ Палестинѣ, статьи: „Пять дней на Святой Землѣ“ (изъ записокъ поклонника) (Душен. Чтен. 1866 № 1—4) и на Аѳонъ въ 1859 году—превосходная въ научномъ отношеніи, не потерявшая значенія и до настоящаго времени²⁾, книга подъ заглавіемъ: „Замѣтки поклонника святой Горы“ (Кіев. изд. 1864 г.).

Весьма плодотворная и энергичная дѣятельность о. Антонина въ Аѳинахъ снискала ему благоволеніе такого мудраго и прозорливаго іерарха русской церкви, какимъ былъ приснопамятный митрополитъ московскій Филаретъ. Послѣдній еще въ декабрь 1859 года рекомендовалъ оберъ-прокурору Св. Синода графу А. П. Толстому „не безъ пользы“ для дѣлъ

для него невѣрными, простымъ сколкомъ окружавшихъ его дотолѣ предметовъ. Тяжело, *но полезно такое разочарованіе*. Оно приготовляетъ поклонника къ выходу изъ той исключительности, въ которую его невольно поставила его привычка видѣть одно и то же у себя на родинѣ,—*оно расширитъ его, большею частію, ограниченный кругъ зрѣнія на предметы знанія и вѣры, и если не тотчасъ, то мало-по-малу приучитъ его къ умѣренности и терпимости*, столько нужной тому, кто рѣшился привести на гробъ Господень дань и своей признательной души вмѣстѣ съ тысячами другихъ, подобныхъ ему пришельцевъ, часто не похожихъ на него ничѣмъ, кромѣ одного образа человеческого и именн христіанскаго“. Душен. Чтен. 1866, январь, отд. II, стр. 7—8.

¹⁾ Замѣтки поклонника св. Горы, стр. 3; Поѣздка въ Русію, стр. 344.

²⁾ Довольно любопытно, что эта книга, въ научномъ отношеніи стоящая не только не ниже, но даже выше его «Поѣздки на Синай», обойдена полнымъ молчаніемъ проф. В. Г. Засильевскимъ.

церковныхъ перевести о. архимандрита Антонина въ Константинополь¹⁾ и возлагалъ большія надежды на его плодотворную дѣятельность и на этомъ болѣе отвѣтственномъ посту²⁾. Совѣтъ мудраго архипастыря былъ принятъ къ свѣдѣнію, и 18 сентября 1860 года состоялся переводъ о. Антонина настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополь или въ Византію, которая, по его собственному признанію, „неодолимо влекла“ его къ себѣ.

Въ Константинополѣ о. архимандрита Антонина ожидала живая, кипучая³⁾ церковно-политическая дѣятельность и настоятельная необходимость встать въ близкія постоянныя сношенія съ главою Великой Церкви, вселенскимъ патріархомъ, высшимъ восточнымъ духовенствомъ, почтеннѣйшими представителями греческой національности въ Константинополѣ, какъ, напр., придворный врачъ Стефанъ *Караведорѣ* и др. и нашимъ русскимъ дипломатическимъ корпусомъ, безъ содѣйствія и энергической поддержки котораго немаловажная никакая плодотворная дѣятельность на православномъ Востокѣ. О. архимандритъ *volens nolens* попадаетъ въ дипломатическую школу, и вынесенные изъ нея горькимъ опытомъ уроки въ послѣдующей его дѣятельности принесли ему несомнѣнную пользу. На о. архимандрита возлагаются въ это время Св. Синодомъ посредничество предъ патріархомъ константинопольскимъ Іоакимомъ II по дѣлу о болгаро-уніатскомъ епископѣ Іосифѣ⁴⁾ и вообще по греко-болгарскимъ

1) Арх. Савва. Собран. мѣст. и отзыв. Филарета, митроп. моск. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ. СПб. 1886, стр. 72.

2) Тамъ же, стр. 207, 247, 445 и др.

3) Въ письмѣ своемъ отъ 30 октября 1862 г. къ арх. Порфирію (Успенскому) о. арх. Антонинъ жаловался, что у него «*сто занятій идуть рядомъ, мѣшая одно другому*» (Труды Кіев. Дух. Акад. 1867, т. IV, стр. 288).

4) Арх. Савва. Собран. мѣст. и отзыв. митроп. Филарета по дѣламъ прав. цер. на Востокѣ, стр. 207, 311, 327—329, 395;

дѣламъ¹⁾, по поводу вступленія на вселенскій престолъ Софронія²⁾, относительно поднесенія патріархамъ и архіепископу синайскому издавнаго въ свѣтъ пресловутаго Синайскаго кодекса Библии³⁾, справки на Аѳонѣ по поводу поднесенія самого кодекса Императору Николаю I-му⁴⁾, и др.; свѣдѣственныя порученія на Аѳонѣ въ 1863 году и въ Іерусалимѣ въ 1865 году по поводу возмущеній членовъ тамошней миссии противъ своего начальника архимандрита Леониды Кавелина (1863—1865 гг.), внослѣдствіи намѣстника Троице-Сергіевской лавры въ Посадѣ и др.⁵⁾

Чрезвычайное разнообразіе порученій и ихъ нерѣдко шекотливость требовали со стороны о. архимандрита Антонина особой проникательной осторожности и, такъ сказать, дипломатичности, а по этому и отнимали у него много времени на выполненіе ихъ. Правда, его труды въ этомъ направленіи не всегда увѣнчивались желательнымъ успѣхомъ и не всегда признавались со стороны высшей власти „удовлетворительными“⁶⁾ и „соотвѣтствующими его достоинству“⁷⁾. Но несомнѣнно они сильно мѣшали о. архимандриту въ его любимыхъ занятіяхъ византиновѣдѣніемъ⁸⁾, которое „неодолимо влекло“ его къ себѣ особенно послѣ той непрестанной

Собр. мнѣн. и отзыв. по уч. и церков.-госуд. вопр., т. V, ч. 1, стр. 201.

¹⁾ Тамъ же, стр. 247, 255, 274, 282, 316, 354.

²⁾ Арх. Савва. Собр. мнѣн. и отзыв. по учебнымъ и церковно-госуд. вопр. М. 1887, т. V, ч. 1, 487—490.

³⁾ Тамъ же, стр. 366, 368.

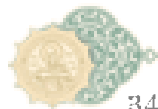
⁴⁾ Тамъ же, стр. 368.

⁵⁾ Арх. Савва. Собр. мн. и отз. Филарета, митроп. моск. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ, стр. 440—441, 445—456.

⁶⁾ Тамъ же, стр. 456.

⁷⁾ Тамъ же, стр. 446.

⁸⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1867, т. IV, стр. 288.

работы въ этомъ направленіи, какая была возможна для него въ счастливой Греціи.

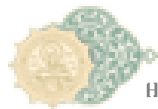
Но и въ Константинополѣ лишь только находилось свободное время отъ исполненія своихъ прямыхъ по должности обязанностей, или если представлялся къ тому удобный счастливый случай, онъ не терялъ ни того ни другого и стремился использовать ихъ съ возможною добросовѣстностію въ интересахъ научныхъ. Къ этому времени относятся его „Поѣздка въ Визанцію“ (Христ. Чтен. 1862, II; 1863, I и II), „Поѣздка въ Румелію“ (въ двухъ обширныхъ томахъ Спб. 1879 и 1886), прекрасная въ научномъ отношеніи статья „Замѣтки XII—XV вѣка, относящіяся къ крымскому городу Сугдеѣ“ (Записк. Одесскаго археол. общ. 1863, т. V, стр. 595—628. Отзывъ о ней у В. Г. Васильевскаго въ Критико-библіографическомъ словарь. А. Венгерова, т. I, стр. 629—630) и нѣкоторыя другія ученыя работы и статьи¹⁾, напечатанныя въ разныхъ богословскихъ журналахъ и оставшіяся въ рукописяхъ²⁾. Поѣздка въ Румелію, продолжавшаяся съ мая 1865 г. по іюль, по общію научныхъ данныхъ, собранныхъ въ двухъ обширныхъ томахъ, вышедшихъ въ свѣтъ съ промежуткомъ въ шесть лѣтъ, не теряетъ своего научнаго интереса³⁾, не смотря даже на появленіе въ печати спеціальнаго труда епи-

¹⁾ Сравнительно подробный перечень трудовъ о. архим. Антоніина сдѣланъ его великимъ почитателемъ, извѣстнымъ библіографомъ С. И. Пономаревымъ въ статьѣ: „Памяти о. арх. Антоніина“ (Труды Кіев. дух. Акад. 1894, ч. 3, стр. 636—648).

²⁾ Мы разумѣемъ научное описаніе рукописей библиотеки Синодальскаго мѣстога въ Константинополѣ, въ Фанартѣ, составленное имъ въ 1862 г. въ товариществѣ съ проф. Кириакидисомъ (А. Дмитріевскій. Путешеств. по Востоку и его научные результаты Кіев. 1890, стр. 6, прим. 1).

³⁾ См. отзывъ о ней проф. В. Г. Васильевскаго въ Критико-библіограф. словарь русск. писат. и ученыхъ, С. А. Венгерова, т. I, стр. 633—635.

скопа Порфирія Успенскаго: „Востокъ Христіанскій. Путешествіе въ метеорскіе и осоолимпійскіе монастыри въ Ѳессаліи“. Спб. 1896 г.

Румелійская поѣздка была послѣднею данью о. архимандрита Антопияна по отношенію къ изученію Византіи непосредственно на мѣстѣ. По возвращеніи изъ Румеліи и Ѳессаліи въ Аѳины, о. Антонинъ телеграммою г. посла графа Н. П. Игнатьева вызывается въ Константинополь¹⁾ и, по указанію его и не безъ согласія Св. Синода²⁾, немедленно командировается въ Іерусалимъ съ цѣлью произвести тщательное разслѣдованіе по дѣлу о безпорядкахъ въ нашей миссіи. Вступая въ стѣны ея 11 сентября 1865 г., о. архимандритъ Антонинъ и не помышлялъ, конечно, что онъ будетъ вынесенъ отсюда на Елеонъ лишь въ гробу...

Трудныя и тяжелыя времена переживала наша русская миссія въ Іерусалимѣ, когда переступилъ ея порогъ будущій начальникъ о. архимандритъ Антонинъ. Враги и недоброжелатели русской церкви и ея успѣховъ въ Палестинѣ, православные и инославные, чужіе и даже свои торжествовали, добившись громаднаго успѣха, который, по мѣткому замѣчанію о. Антонина, „Гибону (протестантскому епископу—миссіонеру Палестины) и К° и во снѣ не могъ привидѣться“,—а именно, удаленія изъ Палестины русскаго епископа Кирилла, человѣка образованнаго, твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ и энергически настойчиваго въ дѣлѣ, за которое онъ принимался. „Въ іерусалимской Кирилловской исторіи, говорятъ о. Антонинъ, мы перенесли, *совсѣмъ незаслуженно*, не одно искушеніе. Насъ обогнали, осмѣяли, огорчили тѣ, кого мы

¹⁾ Изъ Румеліи, стр. 580.

²⁾ Указъ Св. Синода о назначеніи о. Антонина *завѣдующимъ* миссіею помѣченъ 16 іюля 1865. Сн. арх. Савва. Собр. мн. и отв. по дѣл. прав. церкви на Востокъ, стр. 440.

беззавѣтно поили, кормили и на рукахъ носили“¹⁾. Намекъ дѣлается въ сторону высшего іерусалимскаго духовенства. Но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія тормоза и со стороны своихъ русскихъ—русскаго іерусалимскаго консула и, такъ называвшагося, Палестинскаго Комитета, которымъ весьма и весьма мѣшадъ слишкомъ „высокій іерархическій санъ начальника іерусалимской миссіи и которые напрасно мечтали, что создавшіеся въ Палестинѣ „затрудненія“ исчезнутъ, когда „духовная миссія будетъ поставлена подъ начальство благочестиваго и способнаго *архимандрита*“²⁾. Задуманное несправедливое дѣло было такъ или иначе доведено до желаннаго конца: епископъ мелитопольскій Кириллъ удаленъ въ Россію на викаріатство, а на его мѣсто назначенъ архимандритъ *Леонидъ Кавелинъ*, по отзыву митрополита Филарета, „проходившій монашескую жизнь въ обители, преимущественно извѣстной духовнымъ благоустройствомъ, долгое время съ несомнѣннымъ достоинствомъ“³⁾.

Но выиграло ли отъ перемѣны лицъ и іерархическаго положенія начальника нашей миссіи дѣло православія въ Палестинѣ, и въ нашей миссіи въ Іерусалимѣ водворился ли желанный миръ?—Ничуть не бывало.

Спустя годъ съ небольшимъ (13 апр. 1865), патріархъ іерусалимскій Кириллъ въ особомъ посланіи къ нашему Св. Синоду уже обвинялъ о. архимандрита Леонида „въ безпорядочномъ, безчинномъ и незаконномъ поведеніи“, указывая на то, что онъ находится „въ открытомъ разрывѣ съ императорскимъ русскимъ консульствомъ“ и противъ себя возбудилъ „вообще неудовольствіе русскихъ поклонниковъ“, проси въ то же время „замѣнить сказаннаго архиман-

¹⁾ Церк. Вѣстн. 1877, № 41, стр. 8.

²⁾ Арх. Савва. Собран. мѣн. и отзыв. Филарета, митропол. москов. по дѣламъ пр. церкви на Востокъ, стр. 398.

³⁾ Тамъ же, стр. 437.

дрита Леонида „какимъ-либо другимъ лицомъ“ и рекомендуя „отеческой любви“ іеромонаха Іоанна и іеродіакона Арсенія ¹⁾), возмущившихся главнымъ образомъ, противъ своего начальника. Въ дѣйствительности и на этотъ разъ однѣ и тѣ же причины вызвали столкновенія двухъ русскихъ представителей въ Палестинѣ—консула и начальника миссіи, и создали тѣ же послѣдствія, какими сопровождалось удаленіе изъ Палестины и преосвященнаго Кирилла мелитопольскаго. Патріархъ и его приспѣшники, а равно и консульство наше, ободренные успѣхомъ въ первомъ случаѣ, рассчитывали отдѣлаться отъ сильнаго человѣка весьма легко, ибо имѣли дѣло не съ епископомъ, но лишь съ архимандритомъ. Однакоже, неожиданно всѣ они ошиблись въ своихъ расчетахъ: на сторону о. архимандрита рѣшительнымъ образомъ всталъ приснопамятный московскій митрополитъ Филаретъ и своимъ высокимъ покровительствомъ спасъ репутацию о. Леонида, который перемѣщенъ былъ въ Константинополь на должность настоятеля русской посольской церкви. Митрополитъ Филаретъ не соглашался даже избрать архимандрита Антонина „посредникомъ и примирителемъ“ между о. Леонидомъ, съ одной стороны, и патріархомъ іерусалимскимъ и русскимъ консуломъ, съ другой, но рекомендовалъ о. Антонию „принять миссію и управлять ею, извлекая изъ несчастнаго опыта предшественника *правила осторожности*“ ²⁾). Когда же, по прибытіи въ Іерусалимъ, о. архимандритъ Антонинъ представилъ (отъ 18 дек. 1865 г.) донесеніе въ Св. Синодъ „о неустройствахъ въ іерусалимской духовной миссіи“, то митрополитъ Филаретъ, по прочтеніи его, выразилъ „чувство скорби и о томъ, что непріятное дѣло не выходитъ изъ запутанности, и о бѣдномъ архимандритѣ Леонидѣ, на котораго одного обручиваютъ всю тяжесть сего дѣла, *милю винов-*

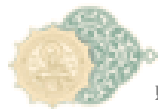
¹⁾ Тамъ же, стр. 436, прим.

ныхъ болѣе его, и, наконецъ, о самомъ архимандритѣ Антонинѣ, служащемъ съ признаками достоинства и съ надеждою болѣе значительнаго и болѣе полезнаго служенія, но въ настоящемъ дѣлѣ, представившемъ опытъ, не соответствующій его достоинству“ ¹⁾).

Справедливость требуетъ сказать, что о. Антонинъ въ дѣлѣ о „неустройствахъ Иерусалимской духовной миссіи“ обнаружилъ замѣтное колебаніе, которое митрополитъ Филаретъ предусматривать еще предъ отправленіемъ его въ Палестину. „Если посланъ будетъ въ Иерусалимъ архимандритъ Антонинъ, то съ какимъ порученіемъ? спрашивалъ московскій владыка. Если въ качествѣ посредника или примирителя, то *можно ли ожидать успѣха?* Дѣйствуя скромно и мирно, рѣшится ли онъ при томъ сказать *нѣкоторыя твердыя слова патріарху*, чтобы разрѣшить его предубѣжденія противъ архимандрита Леонида, и *консулу*, чтобы изъяснилъ ему неправильность принятія доносовъ, переданныхъ отъ него, и слѣдствія? Будетъ ли имѣть довольно силы, чтобы сдѣлать послушными возмущившихся монаховъ. *Трудно рѣшиться утверждать сіе“* ²⁾. Отправленный изъ Константинополя съ цѣлю замѣнить въ Иерусалимѣ своего предмѣстника архимандрита Леонида, о. Антонинъ не имѣлъ, по слабости человѣческой, достаточнаго мужества, чтобы надѣло посмотреть безпристрастно и указать прямо и рѣшительно и патріарху іерусалимскому и русскому консулу ихъ

¹⁾ Арх. Савва. Собран. мѣній и отз. Филарета, митр. по дѣламъ прав. церкви на Востокѣ, стр. 445—446. Достойно полнаго вниманія то обстоятельство, что между о. арх. Леонидомъ и о. арх. Антониномъ не были нарушены добрыя товарищескія отношенія. Въ сентябрѣ 1868 г. о. Антонинъ, въ бытность въ Константинополѣ, пользовался гостеприимствомъ о. арх. Леонида и превозноситъ его всяческими похвалами (Труды Киев. дух. Акад. 1869 г., ч. 1, стр. 452, прим. 1).

²⁾ Тамъ же, стр. 440—441.

неправильный образъ дѣствія по отношенію къ о. архимандриту Леониду. Въ шестой статьѣ своего донесенія о. Антонинъ, между прочимъ, „соглашается быть настоятелемъ миссій“ ¹⁾, къ чему, по словамъ митрополита Филарета, „не имѣлъ для себя затрудненій ни со стороны консула, ни со стороны патріарха“ ²⁾, т. е., иначе говоря, угодила и итѣмъ и другимъ. И за эту дань слабости человѣческой горько пришлось поплатиться о. Антонию въ послѣдствіи!

Въ донесеніи о. Антонина однакоже вполне правильно указана была причина происшедшихъ безпорядковъ. „Съ передачею въ хозяйство консульства всѣхъ русскихъ заведеній въ Іерусалимѣ, писалъ въ Св. Синодъ о. Антонинъ, миссія, считавшаяся если не собственницею, то распорядительницею всего, что было наше здѣсь, вдругъ увидѣла себя безъ собственности, безъ правъ, безъ власти, безъ силы, даже безъ совѣщательнаго голоса въ устройствѣ нашихъ дѣлъ палестинскихъ! Такой переворотъ во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ вѣдомствъ естественнымъ образомъ долженъ былъ возбуждать въ одной сторонѣ жалѣніе объ утраченномъ значеніи, а въ другой нѣкоторую долю надменія имъ. Отсюда взаимная холодность двухъ властей“ ³⁾. Эти указанія о. Антонина обратили на себя вниманіе Св. Синода, но нисколько не улучшили „отношеній между начальникомъ духовной миссії и консуломъ“, такъ какъ, къ удивленію, даже митрополитъ Филаретъ, близко пришивавшій къ сердцу интересы нашей миссії, признавалъ за лучшее— „оставить миссію въ нынѣшнемъ переходномъ состояніи, въ ожиданіи лучшаго времени“ ⁴⁾, которое, къ слову сказать, безвозвратно для нея миновало и уже навѣрное никогда не возвратится...

¹⁾ Тамъ же, стр. 456.

²⁾ Тамъ же, стр. 465.

³⁾ Тамъ же, стр. 449.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 465.

Въ 1866 году являлась даже мысль удалить миссію изъ Іерусалима совершенно, и только опасенія, чтобы патріархъ іерусалимскій не усмотрѣлъ въ этомъ „свою силу и свою побѣду“ и чтобы „западная зависть къ Россіи“ не нашла для себя „счастливый случай къ неблагопріятнымъ для православія, оскорбительнымъ и вреднымъ толкамъ“¹⁾—спасли нашу іерусалимскую многострадальную миссію отъ этой печальной и, безъ всякаго сомнѣнія, позорной для нашего національнаго самолюбія участи.

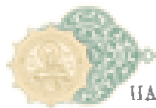
Новый начальникъ миссіи въ Іерусалимѣ съ свойственною ему настойчивостію принялся за изученіе палестинскихъ дѣлъ: ознакомился съ святогробскимъ духовенствомъ, поддерживая добрыя и сердечныя отношенія съ главою Сіонской церкви, „великимъ простецомъ о Христѣ Іисусѣ“ и „недоставшимъ рабомъ Божиимъ“ патріархомъ Кирилломъ²⁾, изучалъ богослужебные порядки греческіе въ Палестинѣ³⁾, церкви латинской тамъ же⁴⁾, интересовался палестинскими рукописями

) Тамъ же, стр. 464—465.

²⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1868, ч. II, стр. 54.

³⁾ Плодомъ этого изученія являются слѣдующія статьи о. арх. Антоніина: „Праздникъ Рождества Христова въ Вифлемѣ“ (Церк. Лѣт. 1866, № 9 и 10); 6 января на Іорданѣ (Херс. епарх. вѣд. 1867, № 5); Извѣстіе о послѣдованіи божественнаго и священнаго умовенія (Труды Кіев. дух. Акад. 1867, кн. II, стр. 304—319); Пасха въ Іерусалимѣ (Херс. епарх. вѣд. 1867, № 12); Патріаршее богослуженіе въ Іерусалимѣ (Церк. Лѣт. 1867, № 30); 26 января въ лаврѣ св. Саввы (Труд. Кіев. дух. Акад. 1868, ч. II, стр. 42—83); Водосвятіе въ храмѣ Воскресенія (Херс. епарх. вѣд. 1869, № 5); Изъ Іерусалима (Тамъ же, 1871, № 16); Выборы и посвященіе новаго патріарха въ Іерусалимѣ (Церк. Лѣт. 1875, № 30 и 31) и др.

⁴⁾ Таковы статьи: Латинское богослуженіе послѣдней не-
дѣли великаго поста въ Іерусалимѣ (Христ. Чтен. 1866, № 5,
стр. 468); Посвященіе латинскаго епископа въ Іерусалимѣ (Сѣв.

въ цѣляхъ научныхъ ¹⁾, зорко присматривался и по мѣрѣ возможности изучалъ лично для себя и писалъ объ этомъ къ свѣдѣнію своихъ соотечественниковъ о состояніи пропаганды католической и протестантской въ Палестинѣ и Сиріи ²⁾, вступая хотя и робко въ конкуренцію съ ними по части пріобрѣтенія важнѣйшихъ свѣтъ или земель въ Палестинѣ ³⁾, обращалъ взоры на приниженное положеніе мѣстнаго арабскаго духовенства, радовался искренно и восторженно пріѣтствовалъ открытіе богословскаго училища въ Іерусалимѣ при Крестномъ монастырѣ, куда для полученія богословскаго образованія на нѣкоторое время были допущены и уроженцы Палестины—сирійцы ⁴⁾ и, наконецъ, не забывалъ о „присныхъ“ своихъ—русскихъ поклонникахъ, посѣщающихъ св. мѣста Палестины. Плодомъ его отеческихъ близкихъ отношеній къ нашимъ соотечественникамъ на первыхъ порахъ

Почта 1866, № 209); Миссіонерскія замѣтки изъ св. Земли (Дух. Бесѣд. 1867, т. I).

¹⁾ Въ 1868 году о. Антонинъ занимался *обзоромъ и описаніемъ рукописей* лавры Св. Саввы Освященнаго (Труды Киев. дух. Акад. 1873, № 12, стр. 243; Изъ записокъ синайск. богомольца (Труд. Киев. дух. Акад. 1873, № 3), нынѣ вошедшихъ въ составъ нагрѣвшей библиотеки въ Іерусалимѣ, по указанію блаженнѣйшаго патріарха Никодима I.

²⁾ Отъ Босфора до Яффы (Труд. Киев. дух. Акад. 1869, ч. II, 406—415); Изъ Іерусалима (1869, № 19, Херсон епарх. вѣд.); Изъ записокъ синайскаго богомольца. Киев. 1872, стр. 6—27; Латинское преданіе на Востокѣ (Херс. епарх. вѣд., 1870, № 3); Письмо изъ Іерусалима (Сѣв. почта, 1868. № 94); Изъ Іерусалима (Церк. Вѣст. 1876, № 51); Протестантская пропаганда въ Палестинѣ (Церк. Вѣсти. 1877, № 41); По пути изъ св. Земли (Гражд. 1878, № 23—24) и др.

³⁾ Разумѣемъ въ 1869 г. пріобрѣтеніе въ русскую собственность Дуба Мамврійскаго (Всемир. Иллюстр. 1869, № 42, стр. 243).

⁴⁾ Душен. Чтен. 1866, мартъ, стр. 141—142; апрѣль, стр. 193—197; Труды Киев. дух. Акад. 1869, ч. II, стр. 406—413.

его пребыванія въ Палестинѣ являются „Наставленіе поклонникамъ св. Гроба, по прочтеніи великаго канона (Дух Бесѣд. 1870, 1); „Привѣтствіе поклонникамъ, по приобщеніи Св. Таинъ“ (тамъ же, стр. 227; 1871, стр. 215), „Наставленіе русскимъ поклонникамъ въ Іерусалимѣ предъ исповѣдію“ (тамъ же, стр. 209) и нѣсколько другихъ поученій и бесѣдъ въ составленіи которыхъ о. Антоній заявилъ себя великимъ мастеромъ, въ бытность свою на службѣ въ нашей Академіи.

Но вскорѣ же всѣмъ этимъ благимъ начинаніямъ, планамъ, намѣреніямъ, думамъ и мыслямъ поставлены были препоны и преграды, предъ которыми личности менѣе сильныя, чѣмъ какимъ былъ достойный вѣчной памяти о. архимандритъ Антоній, могли бы опустить руки. И у о. архимандрита Антонина, поддерживавшаго добрыя отношенія съ патріархомъ Кирилломъ, при его преемникѣ Прокопѣ, начались нелады и обостренныя отношенія настолько, что между миссією и патріархією и святогробскимъ духовенствомъ установились самыя холодныя, натянутыя отношенія. Имя о. Антонина носилось въ патріархіи, откуда на него сыпались жалобы и инсинуаціи въ наше консульство, въ константинопольское посольство, въ Св. Синодъ. Патріархъ Никодимъ, нынѣ пребывающій на покоѣ въ Халкахъ близъ Константинополя, *persona grata* русскаго правительства, жившій почти все время въ Москвѣ въ качествѣ завѣдующаго подворьемъ святогробскимъ и знавшій объ о. Антоніѣ больше по паслышкѣ, ставилъ, между прочимъ, условіемъ своего появленія въ Іерусалимѣ на престолѣ удаленіе изъ нашей миссіи о. архимандрита Антонина¹⁾...

Съ консульствомъ іерусалимскимъ, по тѣмъ же причинамъ, по какимъ удалены были и предшественники о. Антонина, епископъ мелитопольскій Кириллъ и о. архимандритъ

¹⁾ Сообщ. Импер. прав. Палест. Общ. СІВ. 1894, іюнь, стр. 307.

Леонидъ Кавелинъ, не могли установиться добрыя мирныя отношенія, такъ какъ новый энергичный о. настоятель миссіи дѣйствовалъ независимо и съ полнымъ сознаніемъ своего достоинства, какъ представитель русской церкви и православія на св. Землѣ, и, по своему характеру, не могъ снисойти до положенія *архимандрита при консульствѣ*... На этой почвѣ создались у о. архимандрита Антонина съ русскимъ консульствомъ столь обостренныя и ненормальныя отношенія, что онъ уступалъ консульству лишь послѣ того, какъ оно, по выраженію В. Н. Хитрово, прибѣгло „къ вооруженной силѣ консульскаго каваса“ ¹⁾. И отсюда также писались жалобы въ русское константинопольское посольство, въ Палестинскій Комитетъ, въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ и въ Св. Синодъ...

Въ этой страстной борьбѣ русской миссіи съ патріархією и консульствомъ, къ глубокому сожалѣнію, приняли участіе и лица постороннія, приѣзжанія въ Палестину на *короткое время* и подпадавшія вліянію недоброжелателей о. архимандрита, которыя потомъ легкомысленными корреспонденціями въ нашей русской либеральной печати дискредитировали въ глазахъ своихъ соотечественниковъ и почтенную личность о. архимандрита, и самое то дѣло, которому беззаветно онъ служилъ въ Палестинѣ и преданъ былъ всею душею... Въ этой печальной исторіи самооплеванія, или надругательства надъ русскимъ именемъ и русскимъ дѣломъ на далекой чужбинѣ, но близкой и дорогой каждому истинно христіанскому сердцу, съ особенною рельефностію выделяются два имени: *А. Ушинскій* (бывшій чиновникъ при Св. Синодѣ) и нѣкто *Ю. Добрынинъ* (несомнѣнно псевдонимъ). „Восторгаясь веѣмъ протестантскимъ въ Палестинѣ и нонося свое“ ²⁾,

¹⁾ Тамъ же, стр. 308.

²⁾ Церк. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 2.

г. Ушинскій на страницахъ либеральнѣйшей церковной газеты „Церковно-общественный вѣстникъ“, стяжавшей себѣ печальную извѣстность, помѣстилъ рядъ статей съ враждебными нападками на нашу іерусалимскую миссію и вызвалъ о. архимандрита на энергическую отвѣдь. Г. *Добрынинъ* (исевдонимъ) выбралъ для своихъ инсинуацій и нападокъ болѣе популярный родъ литературы, чтобы, конечно, тѣмъ пріобрѣсти себѣ болѣе широкій кругъ читателей, форму романа съ такимъ заглавіемъ: „*Пейсы-наша* ¹⁾ и его консорты. Мозаики, камеи и миниатюры изъ любопытныхъ раскопокъ въ трупобахъ Святой Земли. СПб. 1881“. Миновалъ благополучно зоркій глазъ нашей цензуры, г. Добрынинъ пожалъ не малые плоды своего литературнаго шантажа, особенно, когда его книга появилась въ Са. Землѣ и стала быстро распространяться среди недоброжелателей о. Антонина.

Книгу г. Добрынина даже нашъ либеральный журналъ „Вѣстникъ Европы“ назвалъ „странною, вызывающею на размышленія“ и прямо „памфлетомъ“. „Памфлетъ, говоритъ этотъ журналъ, есть перѣдкое орудіе борьбы общественной, литературной, политической; бываютъ обстоятельства, гдѣ онъ выполняетъ правильно свою роль и даже бываетъ единственнѣмъ возможнымъ средствомъ. Но бываютъ случаи, гдѣ онъ становится *очень дурнымъ оружіемъ. Намъ кажется, что въ настоящемъ случаѣ памфлетъ поставленъ не совсѣмъ правильно*“ ²⁾. Самъ о. архимандритъ Антонинъ обошелъ его полнымъ презрѣніемъ, а спохватив-

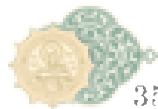
¹⁾ Такое названіе дано роману потому, что о. арх. Антонинъ имѣлъ обыкновеніе, расчесывая пряди своихъ волосъ на головѣ, располагать ихъ спереди на подобіе еврейскихъ пейсовъ, сходство съ которыми особенно замѣчалось въ обычной домашней обстановкѣ, когда голова его прикрывалась скуфейкою.

²⁾ Вѣстн. Европ. 1881 г., кн. II, стр. 891.

паяся не во время русская цензура конфисковала книгу и изъѣла изъ продажи... На нападки же г. Ушинскаго отвѣчалъ весьма энергично и съ сознаниемъ полнаго достоинства о. Антонинъ на страницахъ „Церковнаго Вѣстника“. „Лично мы, писалъ о. архимандритъ, весьма признательны г. автору за его многократные лестные отзывы о насъ. Но это нисколько не стѣсняетъ насъ замѣтить, что *мы живемъ не для отзывовъ и не изъ отзывовъ въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Къ отзывамъ самымъ дурнымъ приучилъ насъ еще давно пресловутый „Колоколъ“*. Въ хорошихъ также мы умѣемъ находить предметъ поученія для себя. Соболѣзнованіе автора о томъ, что недостаетъ у миссиі времени ¹⁾ дѣлать свое дѣло, намъ весьма понятно. *Мы понимаемъ даже болѣе глубокую махинацію высшихъ сферъ, стремящуюся совсѣмъ закрыть іерусалимскую миссію, какъ бесполезное учрежденіе, но, не смотря на то, остаемся вѣрными той задачѣ, съ которою Россія съ такою славою выступила когда-то на единовѣрномъ Востокѣ—въ колыбели христіанства—по истинѣ „на страхъ врагамъ“ и на радость друзьямъ и отъ которой какая-то необъяснимая фатальная сила старается теперь отвлечь наше общество назадъ. Разбить можно все, даже свою голову, но прежде, чѣмъ рѣшиться на это, не мѣшало бы Ушинскому подумать“ ²⁾.*

¹⁾ «Миссіа не можетъ и случая не имѣть узнать ни того, сколько бываетъ вообще въ теченіе года въ Іерусалимѣ поклонниковъ, ни кто они, ни откуда, ни долго ли остаются, ни чѣмъ занимаются, писалъ въ отвѣтъ г. Ушинскому о. Антонинъ на этотъ укоръ. *Она видитъ ихъ только въ церкви и знакомится только тогда, когда они сами тою пошлутъ*». (Церк. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 2).

²⁾ Церк. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 4.

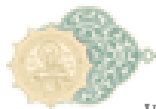
Все это вмѣстѣ взятое—и жалобы патріархін, и доносы консульства, и представленіе посольства, и отъѣзды нелестные въ печати—оказали свое желанное дѣйствіе, и создали о. архимандриту предъ Св. Синодомъ мнѣніе челоѣка „съ душкомъ“ ¹⁾. „Къ сожалѣнію, говоритъ о. Антоній о себѣ, иногда никакъ не можешь забыть, когда назовутъ тебя „челоѣкомъ съ душкомъ“ люди, у которыхъ не отыщешь ни духа, ни душка, а *однѣ запахи*“ ²⁾.

Св. Синодъ, какъ мы знаемъ, имѣлъ уже случай остаться недовольнымъ о. архимандритомъ Антониномъ за его не вполне безпристрастное отношеніе къ дѣлу о. архимандрита Леонида и бывшихъ при немъ безпорядковъ въ нашей миссіи, а затѣмъ когда позднѣе ознакомился съ докладною его запискою, представленной нашему Императорскому послу въ Константинополь, по вопросу о необходимости болѣе живыхъ и постоянныхъ сношеній съ восточными патріархами чрезъ особаго апокресіарія при вселенскомъ патріархѣ и его помощникахъ при остальныхъ патріархахъ ³⁾, то и въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и въ Св. Синодѣ стали смотрѣть на о. Антонина, какъ на безпокойнаго челоѣка и даже фантазера. О. Антонинъ очутился въ Палестинѣ въ

¹⁾ О своемъ характерѣ о. Антонинъ даетъ такую аттестацію: «Память дѣтства подсказываетъ мнѣ хотя и справедливую, можетъ быть, тѣмъ не менѣе обидную кличку зеленого ума. Затѣмъ припоминается, не очень давняя, укоризна въ подвижномъ умѣ... Что удивительнаго, если, съ теченіемъ лѣтъ, *преурекаемый умъ, какъ бы созрѣвая все болѣе и болѣе въ неправильномъ развитіи, получитъ характеристику высокую*. Вѣщее слово. Боюсь и сего. Но что же, впрочемъ, сдѣлаетъ оно мнѣ?» (Изъ записокъ синайскаго богомольца. Трудъ Кіев. дух. Акад. 1873, № 3).

²⁾ Пользая въ Румелію, стр. 161.

³⁾ Сообщ. Импер. прав. Палест. Общ. 1894, іюнь, стр. 306—307.

тяжоломъ положеніи одиночества, съ обиднымъ для его самолюбія игнорированіемъ его плановъ, намѣреній и самыхъ трудовъ, стоя лицомъ къ лицу съ своими врагами, недоброжелателями и клеветниками... Въ эти тяжелые годы его палестинской дѣятельности былъ одно время моментъ, когда дѣлу православія въ Палестинѣ грозила серьезная опасность оказаться прервannoю, такъ сказать, въ самомъ разгарѣ, а о. Антонину даже быть отозваннымъ съ своего поста изъ Палестины¹⁾. Но, благодареніе Богу, и самое дѣло, и о. Антонинъ нашли для себя мощную поддержку и покровительство въ лицѣ великой „христолюбивы“, всеилостивѣйшей „матери милосердія“²⁾, покойной императрицы Маріи Александровны, матери Августѣйшаго предсѣдателя Импер. прав. Палестинскаго Общества. Почившая императрица съ добрымъ, нѣжнымъ и любвеобильнымъ сердцемъ соединяла и глубокую христіанскую вѣру. Всю свою жизнь она благоговѣнно чтала Св. Землю, интересовалась успѣхами въ ней православія и состояніемъ ея святынь, и постоянно помогала отъ „неистоцимыхъ щедротъ своихъ“ здѣшнему краю.

¹⁾ «Мы сами, говорить въ одной корреспонденціи о. Антонинъ, безъ всякой нужды, отняли у нея (т. е. миссіи) сперва ореолъ величія, столько дѣйствующій на массы и столько нужный для чести по истинѣ *Великой Церкви Русской*, потомъ систематически, шагъ за шагомъ, отнимая у нея первоначальное значеніе, изъ *ревниваго опасенія ея преобладающую вѣса* и якобы политической дѣятельности, вгоняемъ се усиленно въ тѣсныя рамки приходской поклоннической церкви, до того, что въ минувшемъ (1878 г.) маѣ мѣсяцѣ какая-то петербургская палестинская коммиссія, никому невѣдомая и нигдѣ не обрѣтаемая, положила (пока) въ принципѣ, по требованію *нашего же іерусалимскаго консула, уничтожить нашу духовную миссію въ Іерусалимѣ*» (Гражд. 1878, № 23—25, стр. 455).

²⁾ Церк. Вѣст. 1880, № 5, стр. 6; Тамъ же, 1885, № 14, стр. 239.

Не безъ серьезныхъ и весьма основательныхъ причинъ поэтому ея царственныя дѣти—великіе князья Сергій и Павелъ Александровичи и воздвигли ей въ Палестинѣ превосходный монументъ—храмъ въ русскомъ стилѣ на склонѣ Елеона близъ мѣста моленія о чашѣ нашего Господа... Поддержкѣ и покровительству императрицы Маріи Александровны, хорошо освѣдомленной о палестинскихъ дѣлахъ, о. Антонинъ и обязанъ тѣмъ, что онъ остался не сдвинутымъ съ своего мѣста, а Русь наша—тѣми успѣхами православія, какихъ она достигла въ Палестинѣ при немъ и какими она гордится въ настоящее время...

Въ виду изложенныхъ обстоятельствъ можно бы думать, что о. Антонинъ опуститъ руки и сдѣлается равнодушнымъ зрителемъ въ Палестинѣ всего окружающаго, но онъ былъ надѣленъ отъ природы твердымъ, самостоятельнымъ характеромъ, имѣлъ передъ собою ясную и опредѣленную программу дѣятельности, вѣрилъ крѣпко въ себя и въ правоту своего дѣла и не только не падалъ духомъ, но твердо и рѣшительно шелъ къ разъ намѣченной цѣли... Прежде всего онъ постарался установить для себя *modus vivendi* въ Палестинѣ. „Начальникъ миссіи нашей въ Іерусалимѣ, пишетъ онъ въ одной изъ своихъ многочисленныхъ корреспонденцій, вовсе не есть простой повѣренный или посланникъ Св. Синода при іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ. Онъ есть духовный начальникъ поклонническаго учрежденія нашего въ Іерусалимѣ, и положеніе его можетъ считаться независимымъ отъ того или другого каприза, того или другого махинатора, скрывающагося за подставною фигурою Прокоція (т. е. патріарха, преемника блаженнаго Кирилла). Уступи Св. Синодъ, изъ почтенія къ завѣтному для Россіи имени патріарха, одному махинатору, завтра на мѣсто его станутъ десять“¹⁾. По отношенію къ паломни-

¹⁾ Гражд. 1874, № 31, стр. 799.

какъ онъ держался принципа невмѣшательства въ ихъ внутренній, такъ сказать, домашній бытъ. „При насъ было, пишетъ о. Антонинъ, что г. консулъ приказалъ смотрительницѣ женскаго пріюта *доносить* всякій разъ ему, когда кто-нибудь изъ членовъ миссіи придетъ въ пріютъ. Какой же духовной надзоръ возможенъ за поклонниками со стороны миссіи“? ¹⁾ заключаетъ о. архимандритъ Антонинъ. „Она видитъ ихъ только въ церкви и знакомится съ ними только тогда, когда они сами того поищутъ“ ²⁾. „Миссіи, пишетъ о. Антонинъ (по другому поводу), никто не поставилъ ни въ право, ни въ обязанность руководить поклонниковъ, посѣщающихъ св. мѣста. Недавно, какъ мнѣ стало извѣстно, одинъ высокій сановникъ русскій, временно находящійся въ Іерусалимѣ, объявилъ начальнику миссіи, что, въ силу данной сему послѣднему инструкціи, онъ *можетъ содѣйствовать* Императорскому консульству въ томъ дѣлѣ, а *распоряжаться не долженъ*... Заикнись теперь духовная миссія о своей пригодности къ *поселенію словеснаго стада нашего на лугахъ Св. Земли, ее и свои, и чужіе приравняютъ несомненно къ волку*“ ³⁾.

Оріентировавшись, такимъ образомъ, вполне въ своемъ дѣйствительномъ положеніи въ Іерусалимѣ, о. архимандритъ Антонинъ замкнулся въ себя, оградился отъ окружающаго міра стѣнами своей миссіи, за черту которой онъ выходилъ лишь ex officio, по настоятельной необходимости. Но и въ своемъ изолированномъ положеніи, предоставленный самъ себѣ, онъ не сидѣлъ сложа руки, но весь день и большую часть ночи посвящалъ неустанному напряженному труду. Двери его келліи съ ранняго утра до поздняго вечера не

¹⁾ Тамъ же, № 51, стр. 1291.

²⁾ Церковн. Вѣстн. 1875, № 50, стр. 2.

³⁾ Церк. Вѣстн. 1885, № 14, стр. 239.

закрывались: рано утромъ онъ принималъ туземцевъ-арабовъ, рѣшая ихъ споры, давая полезныя совѣты, оказывая имъ матеріальную помощь предметами первой необходимости и деньгами; ихъ смѣняли учителя и учительницы основанныхъ имъ школъ, члены миссіи, испрашивая его совѣтовъ и распоряженій. Въ каждую минуту свободно и довѣрчиво шлъ ему русскіе паломники—сановники, купцы и крестьяне, богатые и бѣдные, стараясь найти у него разрѣшеніе волновавшихъ ихъ недоумѣнныхъ вопросовъ, и о. Антонинъ охотно и по долгу бесѣдовалъ съ каждымъ, чѣмъ успѣлъ многихъ изъ нихъ привлечь на свою сторону и расположить быть активными пособниками ему въ томъ дѣлѣ, которому онъ отдался всей душой. Только позднимъ вечеромъ онъ оставался одинъ, но *не одинокилъ*: друзьями его и собесѣдниками были любимыя имъ книги. Въ это время до поздняго часа ночи онъ сидѣлъ то надъ какою-либо старинною рукописью или фоліантомъ, то велъ ученую археологическую работу, то корреспондировалъ въ газеты и къ частнымъ лицамъ, то, вооружившись луною и имѣя подъ руками капитальныя нумизматическія изданія, направлялъ всѣ усилія своего зрѣнія надъ чтеніемъ какой-либо старинной римской или греческой монеты ¹⁾ (о. Антонинъ былъ страстный нумизматъ),

¹⁾ „Нашъ почтенный генеральный консулъ (въ Смирнѣ), археологъ и нумизматъ, пишетъ о. Антонинъ, живя столько лѣтъ здѣсь, успѣлъ составить богатѣйшую коллекцію малоазійскихъ монетъ золотыхъ и серебряныхъ, между коими есть и неизвѣстныя ученому миру. Въ ней я въ *первый разъ* видѣлъ персидскіе *дорикі* (т. е. монеты Дарія), а также монеты палеваго золота, равно какъ и монеты нашего Босфора Киммерійскаго. *Не могу устоять противъ влекущей силы древности.* Встрѣчаясь съ нею гдѣ бы то ни было, я точно вижу колыбель свою. Мнѣ становится и грустно, и отрадно, и словкомъ передъ ея свѣтълѣтствомъ. Динарій *Августа* и драхма *Александра*, можно сказать, жгутъ меня историческою теплотою именъ своихъ. Ли-

то удалялся на устроенную имъ надъ миссіею обсерваторію, чтобы тамъ провести нѣсколько времени, изучая дивную твердь небесную съ ея неисчислимымъ разнообразіемъ свѣтилъ¹⁾, то садился за свою „повѣсть временныхъ дѣтъ“, повѣряя ей думы, чувства, мысли и впечатлѣнія прожитого трудового дня и, такимъ образомъ, давая будущему историку нашего времени весьма цѣнный матеріалъ для характеристики, то, наконецъ, вооружившись иглою штопаль свою ветхую рясу или дырявый чулокъ... Шумъ самовара на столѣ и „любимое питье дальней отчизны“—чай²⁾—вотъ что составляло непремѣнное дополненіе въ его кабинетѣ при этой его вечерней работѣ... Послѣ такого дѣлового дня нерѣдко рано утромъ его видѣли уже выѣзжающимъ съ русскихъ построекъ, въ сопровожденіи своего вѣрнаго драгомана Якова Халеби, какъ говорили шутники, въ „разъѣздъ по епархіи“, т. е. для обозрѣнія какихъ-нибудь построекъ, земельных участковъ, любимаго Ветжалъскаго пріюта, или пріютовъ въ Хевронѣ, Горней, въ Іерихонѣ и другихъ мѣстахъ. Кто изъ бывавшихъ въ Палестинѣ до 1894 года не помнитъ каваль-

ца *Діоклитіана* и двухъ *Максимиліановъ* также глубоко смущаютъ душу. Гордые и жесткія фізіогноміи заклятыхъ гонителей Христа говорятъ ясно, что христіанскій мартирологія не вымыселъ. Однимъ словомъ, каждая монета имѣетъ что сказать уму и сердцу“ (*Записки поклонника св. Горы*, стр. 393—394; *Св. Изъ Румеліи*, стр. 513; изъ записокъ синайскаго богомольца, стр. 73; *Христ. Чтен.* 1863, ч. II, стр. 268).

1) Любовь свою къ астрономіи онъ засвидѣтельствовалъ въ поѣздкѣ на Синай (*Изъ записокъ синаиск. богом.*, стр. 52) и корреспонденціями въ иллюстрированныя изданія, а равно и пожертвованіемъ въ Кіевскую Духовную Академію своего лучшаго достоянія—телескопа въ 1500 рублей.

2) „Безъ чаю, по словамъ о Антонина, ничто не кажется законченнымъ“ (*Изъ зап. синайскаго богомольца*, стр. 132; *Записки поклонника св. Горы*, стр. 235).

кады изъ двухъ всадниковъ: о. архимандрита въ старенькой ряскѣ и черной камилавчкѣ, съ распущенными по ушамъ длинными серебристыми пейсами, подъ зонтикомъ, легкую перевалкою ѣдущаго на сивомъ осликѣ, и за нимъ его вѣрнаго слугу—драгомана на гнѣдой лошади... Итакъ, прожилъ въ Святой Землѣ незабвенный о. архимандритъ цѣлыхъ 28 $\frac{1}{2}$ лѣтъ, трудясь изо дня въ день, не зная отдыха.

Сдѣланнаго о. архимандритомъ Антониномъ на пользу православія въ Палестинѣ за это время и оставленнаго въ наслѣдіе Россіи такъ много, что чувство удивленія и даже изумленія высказываютъ теперь тѣ, кто при жизни иногда становился на его пути и не прочь былъ мѣшать ему...

Время появленія о. Антонина въ Палестинѣ, въ качествѣ начальника нашей миссіи въ Іерусалимѣ, совпало съ усиленіемъ здѣсь католической и протестантской пропаганды. Во главѣ первой стоялъ извѣстный іерусалимскій патріархъ *Валерга*, а во главѣ второй—братья выкрещенцы изъ евреевъ *Ратисбонны*. Такъ какъ въ видахъ успѣховъ этихъ инновѣрныхъ пропагандъ заводились госпитали, устраивались школы и другія богоугодныя заведенія и пріобрѣтались земельные участки¹⁾, особенно важные въ историко-библейскомъ отношеніи, то о. Антонинъ рѣшился дѣйствовать ихъ же оружі-

¹⁾ Со временъ крестовыхъ походовъ не было еще такого явленія въ Св. Землѣ, какимъ прославился минувшій годъ, писалъ въ 1869 году о. архимандритъ. Тогда вѣщесосцы Европы мечомъ доставали себѣ прямо и открыто Палестину. Теперь они же разбираютъ ее по кусочкамъ втихомолку, лѣстя и кланяясь Саладинамъ нашего времени (разумѣются австрійскій императоръ и кронпринцъ прусскій), и совсѣмъ неожиданно вдругъ оказываются собственниками той или другой священной мѣстности. А все же и тогда и теперь послѣдняя цѣль завладѣть чѣмъ-нибудь въ Св. Землѣ" (Изъ зап. синайск. богом. стр. 18). «Намъ, признается въ 1870 г. о. Антонинъ арх. Филарету, ректору Кіев. Дух. Академіи, даже кунить - то нельзя въ

емъ¹⁾, въ цѣляхъ поднятiя православiя въ Палестинѣ. Первымъ весьма цѣннымъ приобрѣтенiемъ здѣсь о. Антонина была покупка имъ въ концѣ 1868 года знаменитаго *Дуба Мамврійскаго*. „Досточтимая святыня, писалъ о. Антонинъ на имя редактора „Всемирной иллюстрацiи“, составляетъ теперь собственность русскую. И сказать не могу, съ какою радостью мы встрѣтили дорогую вѣсть эту, по прибытiи сюда на Святую Землю Съ нетерпѣнiемъ выжидаль я случая взглянуть на свою *несравненную покупку*... Присматриваясь на досугѣ, я нашелъ, что вся приобрѣтенная нами земля идетъ по косоугору шаговъ на 200 въ длину и ширину съ весьма неправильнымъ очертанiемъ границъ. Священное дерево находится на южной оконечности земли почти у самой ея межи. Стволъ его (въ 5—6 обхватовъ) обложенъ при землѣ круглой завалинкой. Это единственно, пока, чѣмъ ознаменовала себя на приобрѣтенномъ мѣстѣ новая хозяйская рука. Къ сѣверу отъ Дуба за предѣломъ вѣтвей его стоитъ каменная сторожка, въ которой живетъ нанимаемый отъ миссиi сторожъ. Къ западу ключъ холодной чистой воды... Одна каменная (а иной быть не можетъ) стѣна кругомъ всей земли нашей будетъ стоить *многихъ сотенъ рублей*. А долженъ же быть при Дубѣ и поклонническiй прiютъ, чтобы не искать нашимъ мѣста для ночлега въ Хевронѣ. Все это, заключаетъ о Антонинъ, уже второстепенное, а главное—дѣло времени.

Турцiи ни одного аршина земли. И нельзя не потому, чтобы не позволялъ кто этого, а потому, что мы сами того не хотимъ. Люди, которымъ все равно, есть ли на свѣтѣ Св. Земля, или нѣтъ, покупаютъ ее нарасхватъ, а мы, дышущiе, такъ сказать, ею, отрицаемъ отъ себя упорно право собственности въ ней! (Тамъ же, стр. 13).

¹⁾ Вотъ принципъ его: „Стоитъ только чего-нибудь *усиленно захотѣть*, да еще прибавить къ тому *ничто*, и дѣло будетъ дѣлано“ (Тамъ же, стр. 20).

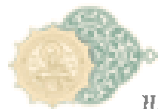
*Самое трудное и важное, съ помощью Божіею, сдѣлано. Дубрава Мамврійская есть дубрава русская*¹⁾. „При ветхомъ Дубѣ Мамврійскомъ, пишеть о. Антонинъ—отъ 22 мая 1871 г., была уже совершена божественная литургія... Родоначальникъ всѣхъ нашихъ „троицкихъ березокъ“ и всякаго „клѣченья“ *завѣтный Дубъ*, истинно говоря, *завѣщанъ былъ Россіи, а потому и достался ей*. На восходѣ солнца во вторникъ мы увидѣли импровизованный алтарь, устроенный въ самомъ трехчастномъ развѣтвленіи ствола дерева. Тамъ, подъ открытымъ небомъ, при тихомъ шелестѣ вѣчно зеленѣющихъ вѣтвей, въ прохладѣ и благоуханіи весны, поклонились мы тріпостасному Божеству“²⁾. Время и добрые люди дали о. Антонину необходимыя ему „многія сотни рублей“, и теперь въ Хевронѣ у насъ каменная стѣна окружаетъ роскошный и обширный виноградникъ, на вершинѣ горы устроенъ превосходный двухъ-этажный паломническій пріютъ, комфортабельно обставленный, къ услугамъ поклонниковъ простецовъ и даже избалованныхъ жизнью интеллигентовъ, а въ недалекомъ стоитъ высокая башня, съ которой открывается восхитительный видъ на городъ и прилегающую къ нему мѣстность, утопающую въ зелени садовъ³⁾.

Въ 1870 году пріобрѣтенъ обширный участокъ земли на Елеонской горѣ близъ мѣста вознесенія Господа на небо. Мѣсто это, по словамъ о. Антонина, представляетъ „самую высшую точку священной горы, занято теперь смоковничнымъ садомъ, а когда-то было устѣяно зданіями, принадлежавшими, вѣроятно, какому-нибудь монастырю, и—можетъ быть,—еще не одному. Намъ обязательно показали открытый

¹⁾ Всемирная иллюстрація 1869, № 42, стр. 243.

²⁾ Херс. спарх. вѣдом 1871, № 16, стр. 329—330; См. изв. запис. спайск. богомольца, стр. 20.

³⁾ А. В. Елисѣева. Съ русскими паломниками на Св. Землѣ. 1885, СПб., стр. 107.

въ одномъ мѣстѣ на незначительной глубинѣ въ землѣ остатокъ великолѣпнаго мозаического пола съ изображеніемъ птицъ, рыбъ и пр., весьма похожій на сохранившійся въ церкви Крестнаго монастыря и составляющій одну изъ рѣдкостей Палестины¹⁾... Недавно падали на цѣлую кучу золотой мозаики и множество кусковъ бѣлаго мрамора. Несомнѣнно тутъ была церковь. Да будетъ она и опять нѣкогда, по благословенію Воздвижнаго тутъ руцѣ свои и благословившаго всякое доброе начинаніе!²⁾... Должно сознаться, заключаетъ это извѣстіе о. Антонинъ, что *мы хотя (сравнительно) и поздно являемся собственниками въ Св. Землѣ, но приобретаемъ все хорошія вещи*“³⁾.

Приобрѣтенное мѣсто на Елеонѣ сначала было обнесено каменною стѣною, засажено масличными и смоковничными деревьями, а затѣмъ приступлено было скоро же и къ сооруженію здѣсь храма по имя Вознесенія Господня. Но недостатокъ денегъ мѣшалъ быстрому окончанію этого добраго начинанія. „Постройка русской церкви на Елеонѣ, пишетъ о. Антонинъ въ 1876 году, *давно остановилась*, къ сожалѣнію отъ недостатка средствъ. Стѣны выведены кругомъ на сажень вышиною и начаты уже окна. Это была-бы одна изъ древнѣйшихъ церквей Иерусалима, вновь возвращенная богослуженію. Характеръ буквъ, найденныхъ на помостѣ ея мраморной плиты, съ греческою надписью⁴⁾, относитъ ее къ V или къ VI в.“⁵⁾. Но настойчивость и терпѣніе сдѣлали здѣсь свое дѣло: храмъ былъ законченъ и нынѣ подѣ

¹⁾ Херс. епарх. вѣдом. 1871, № 16, стр. 326.

²⁾ Тамъ же, стр. 329.

³⁾ Тамъ же, стр. 326—327.

⁴⁾ Надпись читается такъ: „Θεοδοσίη, σλαβική κτίσις“
арій“. Церков. Вѣстн. 1880, № 28, стр. 5.

⁵⁾ Церков. Вѣстн. 1876, № 32, стр. 5.

своими сводами покоить бранные останки своего строителя¹⁾. Въ 1885 году съ большими трудностями сюда на Елеоль былъ доставленъ большой колоколъ²⁾, и тогда же о. Антонинъ кликнулъ кличъ къ русскимъ людямъ о построеніи колокольни при храмѣ Елеонѣ: „Не найдутся ли христіяне для возведенія іерусалимскаго Ивана Великаго на горѣ Вознесенія? Очень, очень бы желали здѣсь сего“³⁾. Этотъ призывъ не остался со стороны христіанцевъ безъ отвѣта, и величественная колокольня русскаго елеонскаго храма господствуетъ нынѣ надъ всѣми окрестностями Іерусалима. Съ высоты ея наблюдатель видитъ, какъ на ладони, Мертвое море и Заіорданье, а, при помощи бинокля, въ ясную погоду, даже синеву Средиземнаго моря. Мощный звонъ ея колоколовъ оглашаетъ всю гору и даже Іерусалимъ, громко свидѣтельствуя иновѣрцамъ объ успѣхахъ русскаго дѣла въ Палестинѣ, а истинно русскимъ людямъ доставляя „несравнен-

¹⁾ Труды Кіев. Дух. Акад. 1894, т. II, стр. 634—666.

²⁾ Колоколъ въ 308 п. пожертвованъ былъ А. В. Рязанцевымъ изъ Соликамска. Въ августѣ этотъ колоколъ, „съ помощію христіаннѣйшей графини О. Е. Путятиной“, былъ перетащенъ съ пристани въ Яффѣ въ заторонный русскій садъ близъ могилы св. Тавифы, а въ февралѣ доставленъ на Елеонъ. „Въ воскресенье 27 (января), пишетъ о. Антонинъ, сдѣлано было надлежащее воззваніе къ люду Божию о помощи. 105 человекъ (на $\frac{2}{3}$ женщины) спѣшно прибыли утромъ во вторникъ въ Яффу и принялись за дѣло. Благодаря общему одушевленію, въ теченіе 7 дней колоколъ, не смотря на тысячу затрудненій, былъ благополучно доставленъ на наши постройки. 5 февраля вечеромъ ему была восторженная встрѣча, подлившая на ноги весь городъ. Затѣмъ вся масса поклонниковъ взялась тащить колоколъ на св. Елеонъ къ мѣсту его назначенія“ (Церк. Вѣст. 1885, № 14, стр. 239—240).

³⁾ Церков. Вѣст. № 14, стр. 240.

ное духовное наслажденіе“¹⁾... Двухъэтажный домъ съ музеемъ тѣхъ предметовъ, которые найдены на Елеонѣ при раскопкахъ, обширные паломническіе пріюты, въ которыхъ нерѣдко проживаетъ наше консульство во время лѣта, и множество другихъ сооружений, съ роскошнымъ садомъ и цвѣтниками, составляютъ въ настоящее время дополненіе къ указаннымъ русскимъ сооружениямъ на Елеонѣ.

Въ первое свое пребываніе въ Іерусалимѣ въ 1857 году, проѣзжая мимо *Бетжалы* (древней Евфраы), стоящей между Іерусалимомъ и Виолеемомъ нѣсколько въ сторонѣ, на пригоркѣ, о. Антонинъ писалъ: „это—мѣстопробываніе латинскаго лжепатріарха іерусалимскаго и вмѣстѣ семинарія. Зоркій и расчетливый о. *Валерга* избралъ мѣсто, повидимому, всего менѣе благоприятное для его замысловъ. Сосѣдняя деревня вся состоитъ изъ православнаго арабскаго населенія, и до сихъ поръ упорно отбивается отъ навязчиваго пришельца, съ которымъ даже завязала процессъ за мѣсто, гдѣ построена его резиденція. Но, прибавилъ со вздохомъ, сообщавшій мнѣ эти свѣдѣнія, рассказчикъ, дѣло кончится тѣмъ, что онъ ихъ совратитъ. Также было въ Виолеемѣ. *У кого есть деньги*, тотъ если не убѣдитъ, то купитъ. Жаль, если это случится! Что бы *ревнителю вѣры Христовой поселиться гдѣ-нибудь между мусульманами и дѣйствовать на нихъ тружіемъ, каки-мъ хочетъ!* Вѣрно слово Господне: *инѣ есть жъй, и инѣ есть жняй*. Пожинаете вы чужую жатву, незванные жнецы, но не приходитъ ли вамъ на мысль, что и зашъ посѣвъ на этой, таинственной своими судьбами, землѣ *накже можетъ быть снятъ другими жателями*“²⁾. Провидѣнію угодно было, чтобы этимъ желаннымъ „ревните-

¹⁾ О. Антонинъ былъ большимъ любителемъ „толстаго“ юпа. (Церков. Вѣстн. 1881, № 9, стр. 6; См. Замѣтки поклопника св. Горы, стр. 39, 402).

²⁾ Душеп. Чтен. 1866, кн. II, стр. 85.

лемъ вѣры“ и „другимъ жителемъ“ явился самъ приспомятнѣнный о. Антонинъ. „Для тѣхъ, у кого есѣ уши слышати и очи видѣти, мы сообщимъ, писать онъ своему антагонисту А. Д. Ушинскому въ отвѣтъ на его обвиненіе нашей миссіи въ бездѣятельности по части народнаго образованія въ Святой Землѣ, что чуть мы *водворились здѣсь* (точнѣе въ 1866 г.), какъ немедленно занялись устройствомъ женской школы въ центрѣ папской пропаганды, въ Бетжаѣ, чтобы *воспитать будущихъ матерей тамошнихъ въ правилахъ строгаго православія и спасти мѣсто отъ окончательнаго совращенія въ латинство*“¹⁾. Въ два этажа весьма изящное зданіе для безплатнаго пансіона, съ службами и масличнымъ садомъ, было передано здѣсь о. архимандритомъ въ наслѣдіе Императорскому православному Палестинскому Обществу.

Такъ называемая, *Горня* послужила вторымъ пунктомъ, на который обращено было серьезное вниманіе о. Антонова, какъ на важный воспитательный пунктъ. „Налѣво по ту сторону веселой и сплошь зеленѣющей долины на подгорьи бѣлѣетъ куча зданій, описываетъ Горнюю о. Антонинъ въ 1870 г. Наиболѣе бросающаяся въ глаза центральная часть ихъ есть дѣтскій пріютъ, недавно выстроенный братьями Ратисбонами, обратившимися изъ еврейства въ католичество. Восточная оконечность занята латинскимъ монастыремъ Рождества Претечи, выстроеннымъ на мѣстѣ дома Захаріи, гдѣ и родился *въ рожденныхъ женами болій*. На западномъ краю селенія другая группа зданій знаменуетъ собою мѣсто встрѣчи Божіей Матери съ Елисаветою и трехмѣсячнаго пребыванія у нея, зовомое католиками просто и кратко: Magnificat. Припоминаю минуты, проведенныя нами *въ Горней*, куда мы тоже со тщаніемъ ѣхали за недѣлю предъ симъ. Дорогое по священнымъ событіямъ мѣсто это совсѣмъ ола-

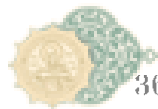
¹⁾ Церк. Вѣст. 1876, № 15, стр. 5

ишено. У православныхъ нѣтъ тамъ ни церкви, ни дома, и клочка земли. Земля-то, правда, есть, занимаетъ видное мѣсто, состоятъ изъ сплошной скалы и украшается русскимъ иенемъ, имѣетъ хозяевъ и ждетъ прихода ихъ много бытъ. Но я боюсь, что эта неплоды неждающая ничего не дожидется и никогда не возвеселится о чадѣхъ многихъ. Въ видигся въ воображеніи совѣмъ иная мѣстность, иная мужа, и потому чадородная нате пустыя“¹⁾ Та-мъ мужемъ былъ все тотъ-же незабвенный о. Антоній, писавшій о Горней въ 1880 г., т. е. черезъ 10 лѣтъ уже идущее: (Здѣсь) „устроена школа въ рускомъ болѣ, и ачинается церковь во имя Божіей Матери, въ честь и амять посьщенія Ею своей южики праведной Елисаветы, мѣсто дома которой окружено нашими владѣніями, хотя и не ринадлежитъ намъ, составляя собственность и какъ бы скитъ атинскаго Предтеченскаго монастыря. Здѣсь надѣются, что вѣстіе обо всемъ этомъ будетъ съ радостію принято много-исленными читателями святаго (я прибавимъ прекраснаго, какъ рай Божій) мѣста нашего въ Горней, распространен-ными по всему лицу земли русской. Въ миссіи нашей не мнѣваются, что въ этомъ „жребіи Божіей Матери“ въ макой будущности устроится обширный пріютъ именитыхъ русскихъ отшельницъ, желающихъ въ полной и невозмутимой тишинѣ духа окончить дни своей болѣе или менѣе трезной жизни, которому образцемъ послужить уставъ древняго скитскаго жительства, безъ игуменіи, безъ казначеи. въ благочинныхъ и тому подобныхъ формальностей, и въ ялову котораго положены будутъ тайноводственные слова охловенной пѣсни Богородицы. Да будетъ“²⁾. Покойнымъ цемъ Антониномъ названо по имени и то лицо, при по-

¹⁾ Изъ записокъ синайскаго Богомольца, стр. 11.

²⁾ Церк. Вѣсти. 1880, № 41, стр. 21

средствъ котораго устроена Горняя. Говоря по поводу кончины бывшаго министра и члена государственнаго совѣта П. П. Мельникова, онъ замѣчаетъ, что онъ былъ „одинъ изъ самыхъ видныхъ и усердныхъ споспѣшниковъ нашего дѣла въ Палестинѣ, хлопотами и отчасти великодушнымъ пожертвованіемъ котораго мы сдѣлались *владельцами* весьма обширнаго и цѣннаго по своему значенію участка земли съ поклонническимъ пріютомъ и большимъ садомъ въ упомянутой выше Горней, когда какъ-бы парочно какая-то благодѣющая судьба занесла отличнаго человека лѣтъ десять назадъ тому. Его усиліями собрано было болѣе 20,000 рублей въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чѣмъ мы и стали *счастливыми собственниками* дорогаго и завиднаго (для Ратисбоновъ и имъ подобныхъ забирателей Св. Земли) евангельскаго мѣста“ ¹⁾).

Въ настоящее время въ Горней имѣются прекрасный и довольно вмѣстительный храмъ во имя Казанской Божіей Матери съ колокольнею, близъ котораго разсѣяно болѣе сотни домиковъ русскихъ отшельницъ ²⁾), окруженныхъ (т. е. домиковъ) виноградниками и цѣлымъ лѣсомъ масличныхъ деревьевъ съ общою иноческою трапезою, съ весьма обширнымъ поклонническимъ пріютомъ ³⁾). По мысли создателя скита, и доселѣ нѣтъ въ немъ игуменіи, и онъ находится въ духовномъ подчиненіи у настоятеля русской іерусалимской миссіи.

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ О. Антонинъ мечталъ создать и мужскую обитель іерусалимъ на Елсонѣ въ своихъ постройкахъ, но этимъ мечтамъ не суждено было осуществиться на дѣлѣ. Церк. Вѣст. 1876, № 15, стр. 6.

³⁾ А. В. Елисѣевъ. Съ русскими поклонниками на Св. Землѣ. стр. 147.

Іорданъ издавна былъ притягательнымъ пунктомъ для всѣхъ паломниковъ, посѣщающихъ Св. Землю, а посему необходимость создать здѣсь на мѣстѣ древняго Іерихона русскій паломническій пріютъ была самая настоятельная. О. Антонинъ пріобрѣлъ здѣсь весьма обширный участокъ земли близъ древней бални Закхея съ обширнымъ пальмовымъ садомъ и виноградниками и приступилъ къ сооруженію на немъ паломническаго пріюта. Въ 1876 году онъ еще жаловался на недостатокъ средствъ для окончанія этого ріюта ¹⁾, но въ 1885 году пріютъ былъ отстроенъ и представлялъ роскошное зданіе. „Идя на Іорданъ и возвращаясь оттуда, пишетъ о. Антонинъ, мы отдыхали въ рускомъ пріютѣ іерихонскомъ, *настоящемъ дворцѣ*, возвыгнутомъ духовною миссіею въ глуши, какой и представить себѣ не можно, не видѣвши. Въ передній путь ночевали амъ цѣлою *тысячей* *человѣкъ*, занявши оба этажа дома, есь садъ и полисадникъ. Какъ не произнести слова хвалы і благодарности людямъ, зорко слѣдящимъ за нуждами своихъ соотечественниковъ въ чужой землѣ? Съ нашей легкой руки же тамъ и сямъ начинаютъ возникать въ мѣстности имѣитаго Іерихона домики изъ камыша и глины съ примѣсю ранимаго въ нѣдрахъ земли отъ временъ древнихъ строеаго камня. Большею частію это русскія мызы, купленные і застроенныя нашими сѣверными любителями и любительницами вѣчнаго непрерывнаго тепла, да еще такого, о котомъ самая наша жаркая пора не даетъ надлежащаго понятія. Помогі Богъ русской колонизаціи въ землѣ Обѣтованной! Кто съ такимъ безпредѣльнымъ влеченіемъ и самопожертвованіемъ занять ею, какъ мы, воспитанные церковью и ксалтирною школою въ преданіяхъ библейскихъ? И не стыдлю ли, не грѣшно ли, въ самомъ дѣлѣ, намъ русскимъ отстаать отъ другихъ въ такомъ общемъ всему хрістіанству

¹⁾ Церк. Вѣстн. 1876, № 32, стр. 5.

стремлений“¹⁾? Бывавшій въ Палестинѣ обѣими руками подпирался подъ этими словами о. архимандрита Антонина, которому всякій посѣтитель Иерихона отъ сердца говоритъ большое русское „спасибо“²⁾).

Въ Иффы навсегда будетъ связано съ именемъ о. Антонина приобрѣтеніе участка земли близъ гробницы Тавифы. Въ 1870 году, по словамъ архимандрита Антонина, этотъ участокъ представлялъ „обширный пустырь, справа холмистый, потомъ совершенно ровный, имѣвшій фигуру параллелограмма. Это тоже *Московія*, сказали тамъ, т. е. русское мѣсто, *недавнѣ приобрѣтенное нашею миссією*. Оно будетъ аршинъ 400 длины и около половины того ширины, когда то было засажено все виноградомъ, смоковничными деревьями и ягодичинами (сикоморами), но потомъ всеѣмъ опустѣло. Его 7 холмовъ составляютъ исключеніе во всей окрестности Иффы, и какъ бы говорятъ о своемъ искусственномъ происхожденіи. Въ двухъ мѣстахъ уже успѣли открыть древнія пещеры, служившія гробницами для стародавнихъ жителей Юппія. Мѣсто это носитъ арабское имя *Тавиты*, т. е. *Тавиомъ*, по книгѣ Дѣяній Апостольскихъ. *Такимъ образомъ можно намъ поздравить себя съ приобрѣтеніемъ въ Палестинѣ еще одного мѣста, освященнаго евангельскими событіями*. Ежегодно въ третье воскресенье послѣ Пасхи, когда читается апостолъ о воскресеніи блаженной жены св. апостола Петра, православные жители Иффы приходятъ сюда на всѣдневное гулянье, чѣмъ и подтверждается фактически преданіе о св. Тавифѣ. Вѣроятно, здѣсь было мѣсто погребенія ея послѣ вторичной смерти. Мы проѣхали впоперекъ *свое мѣсто* и полюбовались съ высшей точки его на великолѣпную панораму несчетныхъ садовъ Иффскихъ, самой Иффы

¹⁾ Тамъ же, 1885, № 14, стр. 239.

²⁾ Д. В. Гусевъ. *Съ русскими путешественниками на Св. Землѣ*,
Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

глубокого безпредѣльнаго моря. Ифская зима лучше нашего лѣвнаго юня, а мѣсто посреди сотенъ апельсиновыхъ садовъ хвалить не нужно. *Путь черезъ 10 миль будетъ, конечно, непроходимый лѣсъ лиственный и апельсиновый по всей южной части. Верхнюю же часть можно засадить всякимъ новымъ деревомъ райскимъ, отъ индійскаго банбука до русской березки.* Основаніе саду уже положено. Вырыть колодезь хорошей воды на глубинѣ 11 сажень, роется яма подъ водоемъ, возводится зданіе для садовника и сторожа, указано уже и мѣсто будущимъ палатамъ русскимъ“¹⁾. Двукратно мы посѣтили лично Ифу. въ 1887 и 1899 годахъ, оба раза были на русскомъ мѣстѣ о. Антонина и нашли, что дѣйствительность во много разъ превосходить, казавшуюся въ то время несбыточною, его мечту. Теперь не только имѣется здѣсь обширный садъ, полный тропическихъ растений и всевозможныхъ цвѣтовъ, съ водоемами для купаній и живорыбными садками, и домъ-дача для лѣтняго отдыха нашего начальника миссіи, но что гораздо важнѣе, здѣсь возруженъ прекрасный храмъ²⁾, освященный въ 1893 г., всего за годъ до смерти создателя и не входившій въ планы мечтателя, съ высокою колокольнею, съ которой открывается южительно чарующій видъ на живописный городъ и сплошную садъ зелени, опоясывающій его со всѣхъ сторонъ. Трудами о. Антонина здѣсь раскопанъ цѣлый некрополь, давшій весьма много цѣнныхъ археологическихъ находокъ, обогатившихъ основанный имъ при миссіи археологическій музей.

Силоамскій монолитъ, называемый мѣстнымъ преданіемъ „гробницею жены царя Соломона египтянки“, замѣчательнѣйшія древне-еврейскія гробницы, извѣстныя подъ именемъ гробницъ Ерь-Романіе или Ессиніе, можетъ быть,

¹⁾ Изъ записокъ синопскаго богомольца, стр. 25.

²⁾ Церк. Вѣст. 1893, № 9, стр. 420—421.
Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

принадлежавшія благочестивому еврейскому царю Іосіа ¹⁾ такъ называемые гробы пророческіе въ Іерусалимѣ, Тиверіадскіе источники ²⁾ и другія достопримѣчательныя мѣст. въ Палестинѣ приобрѣтены трудами о. архимандрита Антонина на средства, добытыя имъ путемъ пожертвованій русскими людьми. Вся стоимость земельныхъ владѣній, и нынѣшней цѣнѣ ихъ, переданныхъ о. Антониномъ Св. Синоду при своей кончинѣ, простирается до *милліона рублей* ³⁾. Цифра эта должна еще возрасти въ нашихъ глазахъ, если мы вспомнимъ, что на содержаніе миссіи отпускалось лишь 14,000 рублей въ годъ, а самъ настоятель получалъ всего на всего 3000 руб. (англиканскій епископъ получаетъ 15,000 руб. въ годъ) и что дѣлать сборъ пожертвованій въ церкви съ блюдомъ ему возбраняло консулство.

Рядомъ съ неутомимою живою практическою дѣятельностью шла у о. Антонина непрерывно и учено-литературная работа, результаты которой весьма почтенны. Прежде всего его интересъ теперь былъ обращенъ на раскопки въ такомъ археологическомъ пунктѣ, какъ Іерусалимъ ⁴⁾, и когда въ 1883 г. Императорское Палестинское Общество пожелало произвести научныя раскопки близъ храма гроба Господня

¹⁾ Труды Кіев. Дух. Акад. 1875 г., ноябрь, стр. 20.

²⁾ Сообщ. Имп. Прав. Палест. Общ. 1894, июнь, стр. 309.

³⁾ Страни. 1882, 1, стр. 186.

⁴⁾ Дупен. Чтен. 1866, III, 148, 149, 157. Статьи, относящіяся къ изученію древностей въ Палестинѣ: Письмо изъ Іерусалима (Сѣверная почта. 1868, № 94); 26 января въ лаврѣ св. Саввы (Труды Кіев. дух. Акад., т. II, 1868); Мученіе св. Домини (Тамъ же, 1869, т. I); Св. преподобно-мученица Сосанн Палестинская (Тамъ же, 1877, т. I); О томъ, какъ доктор Сепиль открылъ древній храмъ Ваала между Іерусалимомъ и Вифтемомъ (Тамъ же, 1878, т. I); Докторъ Сепиль у Самарянъ (Тамъ же, 1875, т. III).

на русскомъ мѣстѣ съ цѣлью опредѣлить древность іудейскихъ стѣнъ и вмѣстѣ съ ними *порога* тѣхъ воротъ, чрезъ которыя Господь нашъ Іисусъ Христосъ вышелъ изъ города на Голгофу, то въ числѣ многихъ другихъ ученыхъ нашихъ русскихъ и иностранныхъ, поручено было дать заключеніе объ этихъ остаткахъ древности и покойному о. архимандриту Антонину. Результаты его изслѣдованій по данному вопросу составили 7 выпускъ Сборника этого общества подъ заглавіемъ: „Раскопки на русскомъ мѣстѣ близъ храма Воскресенія въ Іерусалимѣ“ СПБ. 1884.

Палестиной, однако же, о. Антонинъ не ограничился. Когда въ 1870 году прибылъ въ Іерусалимъ бывшій ректоръ нашей Академіи арх. Филаретъ¹⁾, скончавшійся въ

1) Вотъ какими любопытными словами привѣтствовалъ пріѣздъ въ Палестину этого паломника о. Антонинъ. „Доселѣ, говоритъ онъ, отиралисясь на поклоненіе св. мѣстамъ болышею частью люди, окончившіе свою, ту или другую, службу, которые, пользуясь досугомъ своего „заштатнаго“ положенія пріѣзжали сюда съ духомъ болѣе или менѣе покойнымъ, открытымъ для тихаго и безмятежнаго богомыслия и ничѣмъ не стѣсняемаго измѣненія благихъ чувствъ. Іерусалиму памятли нѣсколько такихъ личностей. Для нихъ путешествіе къ св. мѣстамъ было какъ бы вѣнцомъ ихъ служебной дѣятельности, свѣтлымъ и торжественнымъ, но принадлежавшимъ только имъ однимъ, и дорогимъ для нихъ и для тѣснаго кружка ихъ присныхъ. Иное дѣло—лицо служащее, начальственное, а главное—*занимающееся воспитаніемъ другихъ. Его каждый шагъ дальняго пути принадлежитъ, такъ сказать, другимъ, и каждое впечатлѣніе дорожное будетъ раздѣлено тысячами. Съ нимъ и въ немъ путешествуетъ цѣлое общество, цѣлое поколѣніе и при томъ такое, которое, въ свою очередь, само будетъ управлять обществами, вліять на поколѣнія. Благословенно имя тѣхъ, кто не полагаетъ въ препятствія подобному поклонничеству. Преслаженно будетъ—тѣхъ, кои станутъ располагать и побуждать къ нему“.* (Изъ записокъ св.иер. Богомольца, стр. 2).

самъ епископа рижскаго, и задумалъ посѣтить и богоспешенный Синай, то о. Антоній, по сознанію полезности въ дѣлѣ самообразованія путешествій¹⁾ и съ цѣлью завершить, такъ сказать, свое знакомство съ Востокомъ²⁾, рѣшился, не смотря на жаркую пору (конецъ іюня) года, отправиться съ нимъ на Синай. Плодомъ его путешествія на Синай и двухмѣсячнаго тамъ пребыванія является рукописный каталогъ всѣхъ греческихъ рукописей³⁾, хранящихся въ этой обители, и доселѣ составляющій незамѣнимое пособіе для тѣхъ ученыхъ, которымъ удастся попасть въ эту далекую обитель, не смотря на то, что каталогъ этихъ рукописей изданъ уже въ свѣтъ ученымъ палеографомъ В. Гардгаузеномъ⁴⁾, въ большей части tacite воспользовав-

¹⁾ Душен. Чтен. 1866 г., январь, отд. II, стр. 7.

²⁾ «Чего не нашелъ я, мечталъ о. Антоній, отправляясь на Синай, ни въ Греціи, ни на Афонѣ, найду здѣсь, думаю я—византийскую эпоху наилучшаго времени ея въ цѣлыхъ, нетронутыхъ ни разрушителями, ни возобновителями памятникахъ (Изъ записокъ синайск. богомолья, стр. 128. См стр. 14).

³⁾ О своемъ каталогѣ о. Антоній говоритъ, что его „надобно сдѣлать удовлетворительно, чтобы монастырю можно было похвалиться имъ передъ другими“ (Изъ зап. синайск. богом., стр. 30). «Каталогъ нашъ подвигается быстро и обѣщаетъ быть полнымъ. Конечно, у меня не было и теперь нѣтъ въ виду составлять настоящій *ученый*, еще менѣе прагматическій, каталогъ, въ чемъ я събѣшу оговориться и извиниться. Предоставляю это кропотливое занятіе потомству. Я только пролагаю дорогу ему. Мои ошибки и неизбежныя промахи всякаго рода пусть онъ (т. е. издатель) благосклонно приметъ недостатокъ времени и неизбежной снѣнности занятія огъ сего» (Тамъ же, стр. 44). Проф. богословской школы въ Іерусалимѣ Саруфъ составилъ каталогъ сирскихъ рукописей.

⁴⁾ *Catalogus codicum graecorum Sinaiticorum scripsit. W. Gardthausen Lipsiensis. Oxon. 1886 an.*

лимся цѣликомъ трудомъ своего предшественника¹⁾. „Древній санонарь Синайской библіотеки“ (Труды Кіев. Дух. Акад. 1874, № 5—6), Изъ записокъ синайскаго богомольца (тамъ-же (1871. № 2, 4 и 8; 1878, № 5; 1873, № 3 и № 9); „Еще о Святомъ Николаѣ Мирликійскомъ²⁾“ (тамъ-же 1873, № 12), Фараонъ, Моисей и Исходъ (1875, № 11—12, тамъ-же) и др.

Такъ прошла *двадцати-восьми лѣтняя* жизнь и дѣятельность на пользу православія, русской народности и русской науки въ Палестинѣ о. архимандрита Антонина Канустина. Нужно было бы думать, что предъ этою неутомимою и, выше всякаго сомнѣнія, весьма плодотворною и полезною дѣятельностью умолкнуть завистники и недоброжелатели о. Антонина. Увы, однако, нѣтъ! Мечтамъ этого достойнѣйшаго человека жить, гдѣ „больше книгъ и меньше интригъ“³⁾, не

1) Объ этомъ каталогѣ Гардгаузенъ такъ выражается: „Numeri . notati sunt in Catalogo manuscripto bibliothecae Sinaiticae, quem monachum (Sich) Russicum olim fecisse dicunt“. (Catal. Praef. pag. VIII). О заимствованіяхъ Гардгаузена изъ этого каталога см. у меня Путешествіе по Востоку и его научные результаты, стр. 122, 148; Словарь критико-библіограф. русскихъ писателей и ученыхъ. С. Венгерова, т. I, стр. 632.

2) О св. Николаѣ помѣются раннія статьи о. Антонина: „Св. Николай, епископъ цинарскій и архимандритъ сіонскій“ (Труды Кіев. дух. Акад. 1869, № 6) и „Перенесеніе мощей св. и чудотворца Николая изъ Ликии въ Италию“ (Тамъ-же, 1870, № 5).

3) Когда-то я мечталъ, говорить о. Антонинъ, мечталъ прослужить не знаю сколько лѣтъ, заслужить не знаю какую пенсію, и потомъ разъѣзжать по всему свѣту, выбирая, гдѣ теплѣ зимою, гдѣ свѣжѣ лѣтомъ, гдѣ „больше книгъ и меньше интригъ“, какъ говорить одинъ очень знакомый съ жизнью и бумагою человекъ. *Прощайте невинныя мечты!* Денъ ото-дня убѣждаюсь все болѣе и болѣе, что самое блаженное положеніе человека на землѣ есть то, когда онъ ребенкомъ сидитъ,

суждено было сбыться: клевета и инсинуація сопутствовали ему до могилы. Въ самомъ концѣ дѣятельности въ Палестинѣ враги отца Антонина уже ставили ему въ упрекъ чрезвычайное довѣріе къ своему драгоману Якову Халеби, на котораго, какъ турецкаго подданнаго, пріобрѣтались имъ въ Палестинѣ земельные участки. И въ Іерусалимѣ, и даже въ Петербургѣ одно время опасались, что со смертію о. Антонина мы лишимся сдѣланныхъ имъ пріобрѣтеній, которыя могутъ очутиться въ рукахъ всемогущаго Халеби. Изъ Петербурга шли совѣты при жизни передать владѣнія въ Св. Синодѣ, но о. Антонинъ, огорчавшійся глубоко инсинуаціями, не соглашался послѣдовать петербургскимъ внушеніямъ и въ 1889 г. передалъ ихъ лишь въ вѣдѣніе русской духовной миссіи, желая, конечно, избѣжать стѣснительнаго для себя контроля извнѣ...

Существовало предположеніе, незадолго до смерти, быть можетъ, и не безъ задней цѣли, назначить о. Антонина епископомъ, но онъ ни за что не хотѣлъ разставаться съ *любимымъ* и *дорогимъ* для него Востокомъ и промѣнять его на родину, куда не поѣхалъ онъ даже, когда началась русско-турецкая война 1877—78 годовъ. Въ это время онъ съ большою неохотою покинулъ Палестину, оставаясь въ ней даже и тогда, когда на постройкахъ нашихъ развѣвался уже германскій флагъ¹⁾, и направился не въ Россію, а въ дорогіе для него Асіи²⁾, гдѣ и прожилъ до конца войны.

Разстался съ своею дѣятельностію въ Палестинѣ о. Антонинъ почти наканунѣ своей кончины, дней за пять до

прижавшись къ матери, и ни о чемъ—даже объ играхъ—не думая, и ни на что—даже самое вѣрное—не рассчитывая» (Труды Кіев. дух. Акад. 1869, т. II, стр. 156—157).

¹⁾ Церк. Вѣстн. 1877, № 22, стр. 4; № 25, стр. 11; № 18, стр. 118.

²⁾ Тамъ же, 1878, № 35, стр. 635; Гражданин. 1878, № 35—37, стр. 636

смерти. 19 марта нашъ генеральный консулъ въ Іерусалимѣ С. В. Арсеньевъ былъ приглашенъ о. Антоніемъ, уже напутствованнымъ въ иную жизнь, для составленія формальнаго духовнаго завѣщанія, которымъ онъ передавалъ:

1) Св. Синоду всѣ прибрѣтенныя имъ въ Палестинѣ земельныя имущества и печатныя книги своей цѣнной библіотеки.

2) Духовной миссіи—собранный имъ музей древностей, за исключеніемъ замѣчательнаго бюста Ирода Великаго, который долженъ быть переданъ Императорскому армітажу.

3) Кіевской духовной Академіи—лучшую и цѣнную вещь изъ своего имущества телескопъ¹⁾ его обсерваторіи, а другой меньшій брату родному въ Перми.

¹⁾ По поводу этого пожертвованія Совѣтомъ Академіи получено отъ о. архимандрита Антонина, въ отвѣтъ на привѣтствіе его съ пятидесятилѣтіемъ служебной дѣятельности, слѣдующее заявленіе: «Не нахожу словъ выразить мою вселушевную признательность высокочтимой академической корпораціи, почтившей меня совокупнымъ заявленіемъ (22 октября 1893 года, № 829) своего благосклоннаго вниманія къ моей убогой личности, когда-то имѣвшей счастье входить въ дѣйствующій составъ ея. Нося громкій, но скромный титулъ бакалавра Академіи, я далекъ былъ отъ всякой показности и, оставивъ Академію, не оставилъ по себѣ въ ней ничего увѣковѣчивающаго память. Болѣе чѣмъ скромное положеніе мое въ заграничной службѣ еще менѣе давало поводъ къ чему-нибудь, дающему имя. Мои скудныя приношенія заведенію, давшему мнѣ патентъ на званіе, на честь и хлѣбъ насущный, были дѣтски-естественнымъ выраженіемъ желанія не отставать отъ любимой матери, держаась за нее если не руками, то посильными произведеніями рукъ. Блаженной памяти оплакиваемый наукой ректоръ Академіи, Филаретъ милостивый, почтилъ меня особенною, въ высшей степени лестною не заслуженною честью, о которой нѣтъ надобности говорить ся самовидцамъ, чѣмъ еще болѣе привязалъ меня къ мѣсту и безъ того мнѣ какъ-бы родственно-своему. Исходный пунктъ новаго общедуннаго заявленія высокочтимой корпораціею своего благоволенія ко мнѣ—мой служебный юбилей—есть прикровенный прощальный гимнъ отходяшему изъ міра суесть тѣлоносни, утружденному если не службою, то «тѣломъ».

4) Въ Далматовскій монастырь, гдѣ онъ воспитывался въ училищѣ,—наперсный крестъ.

5) Св. Гробу—панатію съ сибирскими камнями.

6) Пермскому кафедральному собору другую панатію съ сибирскими камнями и малахитомъ.

7) Императорской публичной библіотекѣ весьма цѣнное собраніе рукописей греческихъ и южно-славянскихъ¹⁾, по съ условіемъ, чтобы за нихъ выплачено было 5000 рублей—цѣна „умѣренная по сравненіи съ научнымъ значеніемъ и количествомъ рукописей“, и по признанію самой дирекціи библіотеки.

8) Вырученныя 5000 р. за продажу рукописей черезъ императорское русское посольство въ Константинополь—обратить на построеніе церкви въ Анкирѣ (нынѣ Ангора въ Малой Азіи), гдѣ пострадалъ мученикъ, имя коего носить онъ „со дня постриженія“²⁾.

9) 19 большихъ тетрадей въ 4 долю листа, составляющихъ его любознательный дневникъ³⁾, веденный аккуратно день за день, начиная съ 1841 года, оставленъ Св. Синоду, но съ тѣмъ, чтобы 40 лѣтъ, со дня его смерти, онъ не обнародовался. Въ будущемъ этотъ дневникъ, конечно, послужитъ цѣннымъ матеріаломъ историкъ, пожелающему изобразить успѣхи право-

обхожденіемъ». Памятуя сей его послѣдній смыслъ я въ умеленомъ мѣстѣ извожу изъ слабыхъ устъ своихъ записательное слово. Лучшій предметъ имущественнаго достоянія моего—*астрономическій телескопъ* (E. Secretan. 1877, Paris) да будетъ новымъ приношеніемъ моимъ *matri almae*, списходительно предоставляющей мнѣ право пользованія имъ usque ad supremum momentum, когда ни око не будетъ видѣть, ни ухо не будетъ слышать никакого человѣческаго привѣта“, (Извлеч. изъ протока Совѣта Кіев. Дух. Акад. за 1893³/₄ учебн. годъ. К. 1894, стр. 112—113).

²⁾ Описание этого драгоцѣннаго собранія древнихъ рукописей (преимущественно греческихъ, славянскихъ, еврейскихъ и арабскихъ) слѣдано въ отчетъ Императорской публичной библіотеки за 1899 г. СПб. 1903, стр. 6—89. Описание—краткое.

³⁾ Труды Кіев. дух. Акад. 1894, т. II, стр. 162—163.

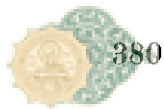
⁴⁾ Труды Кіев. дух. Акад. 1894, т. II, стр. 163—168.
Подготовлено Киевской Духовной Академіей и Семинаріей,
<http://kdais.kiev.ua>

славія на ближнемъ Востоку за время съ 1841 г. по 1894 годъ.

Почилъ о. Антонинъ о Господѣ мирно на 78 году своей многотрудной жизни, наканунѣ праздника Благовѣщенія въ 1894 году. Смерть этого самоотверженнаго дѣятеля на пользу православія въ Палестинѣ вызвала глубокія и искреннія соболезнованія у лицъ, преданныхъ о. Антонину и многочисленныхъ почитателей, въ которыхъ у него не было недостатка ¹⁾. Даже Сіонская церковь, не всегда относившаяся къ о. Антонину, при его жизни, сочувственно и дружелюбно, у гроба его, въ лицѣ патріарха Герасима и представительныхъ лицъ изъ свитогробскаго братства, засвидѣтельствовала громко дань глубокаго уваженія къ его многосторонней и въ высшей степени плодотворной дѣятельности въ Палестинѣ.

„Земля Святая, земля Обѣтованная, на которой издавна ведутъ борьбу народы, племена и языки изъ-за того, кто на тебѣ славнѣе покажется, витѣйствовали предъ гробомъ почившаго арх. Фотій, нынѣ патріархъ александрійскій, земля спасенія, въ которой совершились почитаемыя страданія и слава Спасителя нашего, земли благословенная, въ себѣ нѣмлющая Назаретъ и Вифлеемъ, Сіонскія горы и Иорданъ, Фаворъ и Галилею, Голгофу и Новый гробъ, земля освященная! ты скажи намъ и передай исторіи для будущаго о подвигахъ блаженнаго мужа, украшавшаго тебя св. учрежденіями, воздвигшаго тебѣ падшія стѣны, даровавшаго тебѣ божественные храмы, оставившаго тебѣ въ наслѣдство учительскія школы. Можетъ быть, я говорю преувеличенно? Но Назаретъ и Хевронъ, Горная и Елеонскія горы, Иерихонъ и Яффа и вся Палестина подтверждаютъ мои слова. Большинство украшающихъ эти мѣста духовныхъ учительскихъ учреждений, воздвигнутыхъ отъ имени благочестія Россіи, имъ воздвигнуты и всѣ чрезъ него имѣли поддержку. Св. Матерь церквей справедливо почитала сего мужа и справедливо благословляетъ его память. Россійская же Церковь справедливо должна быть

¹⁾ Труд. Кіев. дух. Акад. 1894, т. II, стр. 163—164, 168—169.

признательна памяти того, кто, явившись наилучшимъ плодомъ и отличнымъ представителемъ ея благочестія, во всю свою жизнь стяжалъ чудныя дѣла ревности и силы онаго благочестія на св. мѣстѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ другіе тщетно надѣялись пріобрѣсть такую славу¹⁾.

Въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ проповѣдника есть, конечно, не малая доля и личной симпатіи и благодарности къ почившему за его сердечное участливое отношеніе къ нему въ трудные годы его синайскаго заточенія, но безспорно, говоря въ присутствіи патріарха и какъ секретарь патріаршаго синода, арх. Фотій былъ голосомъ самой Сіонской церкви... Такъ высоко цѣнили о. Антонина, жившіе съ нимъ и видѣвшіе его изумительные плодотворные труды на пользу православія на Востокѣ. Для насъ, кіевлянъ, личность о. архимандрита кромѣ того еще должна быть дорога и близка по его воспитанію и служебной дѣятельности въ молодые годы въ высшемъ нашемъ разсадникѣ богословской науки—въ Кіевской Академіи, по той глубокой симпатіи, которую онъ считалъ всю жизнь къ матери русскихъ городовъ и ея достойнымъ святынямъ, по той рѣдкой живой связи, которую онъ не только поддерживалъ съ Кіевомъ и съ воспитавшею его Академіею, но и засвидѣтельствовалъ о ней въ непрерывномъ почти рядѣ весьма цѣнныхъ и многочисленныхъ пожертвованій въ Академію и въ состоящій при ней церковно-археологическій музей. Думается намъ, что въ настоящую торжественную минуту, имѣя къ тому же и то, что черезъ *два дня* исполняется *десятильтіе* со дня блаженной кончины о. Антонина, естественно и вполне прилично почтить этого весьма плодотворнаго труженика-земляка на пользу церкви, отечества и науки *обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ* вставаніемъ и провозгласить единодушно ему: „Вѣчная память“.

А. Дмитріевскій.

¹⁾ Тамъ же, т. II, стр. 164.